

Андрей Арсланович Мансуров

Три сказки о Городе Теней, и одна – о прекрасной принцессе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21230449

Аннотация

Город Теней... Это понятие стало почти нарицательным для фэнтэзи. Кто только о нем не писал! Подошел и мой черед собрать воедино то, что в разные годы создавалось – то как детская волшебная сказка, то как героическое, то – как остросоциальное фэнтэзи... Три сказки объединены общим местом действия, но для каждой этот Город – свой, другой. Потому что разные люди видят его по-своему, по-другому. Поэтому он настолько изменчив, настолько разный для каждого Героя, что и не может быть двух одинаковых Городов Теней! Как и единого способа разгадать их тайны, и преодолеть их Ловушки и Соблазны. Волшебная же сказка про капризную принцессу – просто сказка. Восточная.

Мансуров Андрей

Три сказки о Городе Теней, и одна – о прекрасной принцессе.

1. Нравоучительная и правдивая история о падишахе Рахматилло и его красавице дочке, или рассказ о том, что будь ты хоть семи пядей во лбу, никогда тебе не понять, чего хочет *Женщина на самом деле*...

(Турецкая народная сказка. Ну, или типа того.)

В одном не очень большом, но и не маленьком падишахстве, жил да был падишах. Назовём его Рахматилло. И была у него дочка – поистине воплощение грации и очарования! (Нет, мы вовсе не утверждаем, что во всём свете не было краше – чтобы, естественно, не обиделись и другие падишахи, у которых дочери – безусловно, тоже красавицы!..)

И так уж получилось, что сыновей-наследников Аллах милостивый и милосердный Рахматилло не дал.

Ну, понятное дело, Падишах в доченьке души не чаял – ей и самые, как говорится, сладкие сладости, и красивые украшения, и моднющие платья, (Пардон – паранджи!) и умнейшие учителя... А уж про Подарки на Дни Рождений – можно и не говорить.

Словом, выросла конкретно балованная коза. А уж краса-

вица – без дураков!

Настал и тот момент, когда принцесса вошла, как говорится, в возраст, и расположилась в нём, если можно так сказать, основательно: не перезрела бы! Срочно надо пристроить её замуж, пока соседи-падишахи не стали уже в лицо (за спиной-то Рахматилло они уж давно...) прикалываться и смеяться: "Мол, что-то засиделась – твоя-то. Наверное, уж больно на папочку похожа личиком, и крутым нравом – никто поэтому и не порывается засылать сватов?.."

Да и внуков-наследников Рахматилло тоже было охота поныньчить... А то смотрит – все соседи имеют чем похвастать: у этого – пятеро, у того – трое, но уж такие, что съедают целого барана за обед. А у этого – так и вообще на футбольную команду наберётся. Да ещё со скамейкой запасных...

А доченька разлюбезная и не чешется – «Замужество пока не входит в список моих приоритетов!»

Ну вот и стал наш Рахматилло, потихоньку так, исподволь, наезжать на дочурку.

Мол, стыдно перед людьми... Все мы в руках Аллаха, конечно... Но кое-что и сами должны делать – хотя бы для продолжения, так сказать, Падишахской династии! Ты уже взрослая... Вот, смотри в зеркало: реально – пэри восточная! Не то, что там у Махмуд-паши, или, Али-бека... Даром, что у них похожи – у одного на верблюдицу, у другого – на овцу! Так и то – нашли себе избранника. У Махмуд-паши – шустрые внуки полбороды повыдергали, а в конюшнях – семь

«Феррари» да три «Мазератти»: так он их избаловал... У Али-бека – целая сборная по баскетболу: все внуки – как на подбор: рослые, статные.

А ты у меня – Первый Сорт! Конкретная, замечательная, неопишуемая красота! И что же ты никак не соизволишь выбрать кого-нибудь из претендентов? Вон, за нашей падишахской спиной уже шушукаются – и свои, и соседи: уж не больна ли чем?.. А то – и того хуже – может, того... нетрадиционной ориентации?..

Словом, смотрит принцесса – её, кстати, Маликой звали! – действительно, подпёрло. Время! И перед соседями неудобно, и папочку жалко: старается ведь человек: всё-то у неё есть... Включая «Феррари». Теперь и мужа хорошо бы. И внучков-внучек...

Вот и говорит она:

– Папа! Я, конечно, понимаю наше положение... Статус, престолонаследие, престиж и прочее такое. И замуж вый-ти я согласна! Вот только мне не хочется выбирать себе какого-нибудь тупоумного и балованного шахзоде-царевича, только и умеющего, что саблей из дамасской стали махать, на коне (Ну – то бишь – на «Феррари») лихо рассекать, да баранов на пирах жрать... А хочется какого-нибудь умного, хозяйственного – чтобы и падишахство в образцовом порядке содержал, и расчётливым был – знал счёт денежкам-то...

Короче – объяви Кастинг. Я придумаю какую-нибудь задачку потрудней, а кто лучше всех справится – тот и будет

моим мужем!

Когда она так сказала, Рахматилло очень обрадовался!

Вот он идёт, собирает большой Диван, (Это такой Совет из мудрейших сановников при падишахе, а вовсе не мебель!) и говорит:

– Да возвестят на Базарах и площадях! Моя дочь готова выйти замуж только за самого достойного и умного из принцев-шахзоде! Мы загадаем претендентам мудрёную задачу – кто решит её, тот и получит дочь мою в жёны! Я сказал!

Сказано – сделано. Возвестили, прокричали, да в СМИ кастинг пропиарить не забыли... Понаехало принцев – видимо-невидимо.

Здорово поправили ситуацию с туристами в столице: ещё бы, ведь принц, он так устроен – один не поедет: с ним и свита, и кони. Значит – и овёс (Ну – бензин, то есть!) им надо. Да стойла роскошные. (То бишь – или охраняемые гаражи.) Ну, коням в-смысле. И – еду, и напитки подороже, да поблагородней, и комнаты получше. (Это – уже людям.) Да и не на один же день они приезжают! А заранее: «выяснить обстановку» – то есть, послушать придворные сплетни, по столице потолкаться, с её щедрыми базарами да старинными мечетями, чтоб оценить, стало быть, перспективы потенциально наследуемого Падишахства. Да посмотреть на остальных конкурентов-шахзоде... Словом, каравансарай-баши здорово поживились.

И вот настал долгожданный день – начался Кастинг.

Принцесса много мудрить не стала – приказала в огромном сарае высыпать неслучайно-немерно мешков с зерном, да сыпать до тех пор, пока зерно-то почти до крыши не дошло... Вот и приводит лично начальник падишахской стражи каждого очередного претендента в этот сарай, даёт осмотреться, зерно-то потрогать, а только затем – к падишаху.

Сидит наш Рахматилло на троне. Справа от него – любимая дочь-красавица, слева – Главный Визирь, ну, то есть, типа Премьер-министр на восточный лад. И рассуждают они так – кто вернее всех назовёт число зёрен-то, тот, стало быть, и самый реалистичный, и самый хозяйственный, и самый, значит, подходящий кандидат.

Вот приходит в тронный зал первый Принц. Принцесса смотрит на него, прикрыв личико, как положено, чадрой до самых глазок-то лучистых... Падишах тоже смотрит, но – грозно. Чтобы не расслаблялся. Визирь, с подобающими церемониями, раскланиваниями да расшаркиваниями, спрашивает:

– Будьте, дескать, любезны, многоуважаемый Принц-шахзоде, соблаговолите сказать, сколько, по-вашему, очень нас интересующему, мнению, зёрнышек пшеницы имеется в виденном Вами амбаре, э-э?..

Ну, тут конфуз вышел. Первый претендент, оказывается, дальше десяти тысяч (именно такое войско было у его папочки) и цифр-то других не знал. Да и сам был низковат: ро-

стом, к сожалению, не вышел. И ещё с большой бородавкой на щеке.

Короче, пошептала принцесса что-то на ушко отцу... И попрощались они с первым кандидатом.

Второй принц уже оказался научен горьким опытом первого – выяснил у своей свиты, какие там цифры идут за миллионом...

Однако названное им число тоже не устроило высокую Приёмную Комиссию. Да и пузо у этого шахзоде свисало чуть не до колен. (Ещё бы, раз туда за раз помещалось до ведра плова и сорока палочек шашлыка!)

Третий претендент оказался дотошным занудой-ботаником.

Измерил рулеткой размеры сарая, воткнул в зерно, до самого дна, стальной щуп, промерил затем его длину. Скрупулёзно посчитал, сколько вот конкретно *таких* зёрен помещается в гранённый стакан, что-то потюкал на лаптопе, и только потом пошёл на приём к падишаху.

Ну, назвал он им свой результат, смотрит принцесса на его тщедушную комплекцию, и в его оснащённые очками в дороженной черепаховой оправе, подслеповато щурящиеся, глаза, и что-то опять шепчет папочке. И...

Его результат Рахматилло тоже не устроил.

Выходит тут четвёртый – статный, чернобровый красавец. Лихой, как про него известно, джигит и искуснейший рубака. Все служанки принцессы только про него в комнатах

принцессы-то и говорили – что завидней жениха они и не видывали!

Вот задают ему традиционный вопрос, а он вдруг и говорит, сверкнув презрительно так чёрным соколиным глазом из-под густой брови:

– Не дело это шахзоде – зерно какое-то считать! Дело наследника Трона – считать срубленные головы врагов отца! А для зерна есть и казначей у мудрого Падишаха! А неверно сочтёт – так на одну некомпетентную голову короче станет, а падишах объявит кастинг. На вакантную должность!

Удивлён был Рахматилло таким ответом принца, хоть и внутренне посимпатизировал его храбрости и грамотному подходу к подбору кадров, да пожалел, что явно потеряет сейчас такого красивого и породистого потенциального зятя – вот чьи дети-то были бы и красивы, и статны, и храбры!

И тут слышит он, что шепчет ему на ухо принцесса, и брови его ползут кверху...

Встаёт Падишах со своего трона, и объявляет свою падишахскую волю:

– Твой ответ, шахзоде, признан нашей Высокой Приёмной Комиссией самым правильным! Ты получаешь руку принцессы и полпадишахства в приданное! Эй, там, кто-нибудь! Возвестите на площадях! Да скажите всем остальным кандидатам, что они свободны – Принцесса довольна Кастингом, и считает его законченным!..

Ну, дальше, как водится, сыграли свадьбу, праздновали

сорок дней и ночей...

Через положенный срок появились у Рахматулло внуки и внучки, и жила Малика со своим избранником долго и счастливо.

А мораль этой сказки проста и банальна, как мычание. только женщина знает, чего она **ХОЧЕТ НА САМОМ ДЕЛЕ!**

И будь ты хоть семи пядей во лбу: если ты ей не мил – мужем её не стать тебе никогда!..

2. Волшебная история, повествующая, как шахзоде Анвар нашёл свою суженную. И что сделал, чтоб оказаться достойным её руки.

Арабская сказка. (Наверное.)

Любому Восточному Правителю, (Если только он – действительно – Восточный!) полагается гарем. Четыре законных, старших, жены. Десятки – младших. Плюс море наложниц. И, разумеется, трон свой отпрысками мужского пола для гарантирования преемственности, падишах Иброхимбек, уж постарался, скажем так – обеспечить.

Но, разумеется, самым любимым сыном являлся Первенец: сын от Любимой жены, Мафтуны. И звали этого юношу шахзоде Анвар.

Самый лучший охотник, самый просвещённый в науках, самый умелый воин – уж падишах-то обеспокоился найти

наилучших учителей, да и сам не пренебрегал воспитанием наследника. Рубке на саблях, меткой стрельбе из лука, и владению всем остальным оружием из Арсенала тоже учил лично. И уж поблажек себе на возраст не делал!

Вот и получился из Анвара – смышлённый, грамотный, и могучий парень. А ещё и красивый и статный юноша! Ничего не скажешь – достойный наследник Трона.

Разумеется, папочка в первенце души не чаял. Всё, что душенька не пожелает, позволял делать. Любой каприз мальчика, а потом – и юноши, исполняли верные слуги с поспешанием: знали крутой нрав Иброхимбека.

Вот подошло время засылать сватов к каким-нибудь соседям – чтоб папа мог укрепить международное положение государства с помощью выгодного династического брака. А Анвар себе и в ус не дует: знай пропадает с друзьями в степях-лесах-пустынях: то журавлей-цапель бьёт на соколиной охоте, то – с загонщиками тигров добывает...

Попытался тогда Иброхимбек вразумить беспечное чадо: так мол и так, пора остепениться, да перенимать потихоньку бразды правления из его дряхлеющих рук. Да уж и самому сынуле нужно обзаводиться любимой жёнушкой, и наследником – внучком падишаха, то есть!

Анвар на папочкины увещевания всё посмеивался, да кивал на то, что, дескать, молод он ещё... Ну а когда стал не так молод, отговаривался тем, что невесты-дочери у соседей уж больно... Некрасивы.

Ну, тут Иброхимбеку возразить было, собственно, нечего: делегации уважаемых посольств, привёзшие сделанные с каждой потенциальной невесты картины-гобелены, шитые – у кого – драгоценным шёлком, а у кого – и заморским бисером, и правда: ничего радующего взор не показывали. Иброхимбеку оставалось только цокать языком, да с умным видом головой кивать, особенно, когда сынок-то говаривал, приобняв отца, приостановившегося перед очередным портретом:

– Папочка! Сам видишь – ну не судьба! Сам-то ты, небось, мамочку мою, жёнушку свою любимую, из-за тридевяти земель привёз. И уж советов соседей, да отцовских визирей, не слишком слушал!

Папочка остался в тронном зале – подумать-порассуждать с Диваном: (Это, как мы уже упоминали, такой типа Кабинет Министров при Падишахе, а вовсе не мебель!) как бы угодить взыскательным вкусам любимого сынка. А сам сынок снова ускакал с толпой молодых друзей – детей остальной знати – на очередную охоту.

И решили они – для разнообразия! – пострелять пустынных серн-джейранов. На них они до этого не охотились никогда. Потому что редко кто из жителей столицы рисковал забираться в мрачные и неприветливые бесплодные просторы великой пустыни Каракорум, по которой и караваны-то не ходили, а двигались в многодневный обход.

Вот скачут они по бесплодным и тихо шелестящим под ветром пескам, (а пустыня эта всего в паре часов езды от

Дворца находилась) час, вот скачут два – никак не попадают джейраны. Уже и время обеда прошло. Уже и вода во флягах-бурдюках кончается, и кони пеной покрылись... Ну вот нету джейранов, и всё тут!

Подумал шахзоде, что пора бы уж и объявить о возвращении: ночь надвигается, а ничего так и не высмотрели – даже степного шакала не встретили. Дикая, безжизненная пустыня, одним словом! Правильно люди делают, что сюда не ходят и не ездят – и не потому, что старики-мудрецы распускают нехорошие слухи о Духах этого неприятного места. И карах, которыми те наказывают нарушающих их покой...

И вдруг смотрят юноши – из-за ближайшего бархана выходит джейраниха. (Сразу поняли, что именно джейраниха – рожек-то, как у самцов, нету!) И такая прямо красивая: вся из себя – само совершенство! Стать – как у арабского скакуна, глазищи большущие, лучистые, так и сияют. А уж грация – шаг ступит, словно танец индийский танцует!..

Заулююкала тут свита шахзоде, заорала!

И пустились они в погоню. Скачут, подбадривают себя криками да прибаутками, стреляют из луков. Вот только попасть не могут – словно заговорённая попалась джейраниха: стрелы будто чья-то рука отводит! И догнать никак не удаётся – то ли лошади подустали, то ли – копыта джейранихи лучше приспособлены для песка-то...

Заехали уж в самое сердце чёрной пустыни: устали, пот так и льёт – и с седоков, и с коней. пеной бока благородных

жеребцов покрылись, дышат тяжело, силы явно на пределе. Да и солнце восточное – это вам не шутки! Легко раскаляет эту самую пустыню до шестидесяти и выше. Словом, смотрят – ну никак не догнать! Остановились.

А джейраниха будто издевается – тоже остановилась. И так перебирает ножками: типа, дразнит: мол, где вам, городским, со мной тягаться!

Бросились тогда снова в погоню: обидно же до слёз! Какая-то коза пустынная – да шахзоде с его лучшими помощниками-охотниками, нос утёрла!

Ну, догнать не догнали, а вглубь пустыни Каракорум ещё дальше заехали. Солнце уж начало опускаться, звёзды высыпали... Поневоле нужно остановиться на ночлег. Решили ночью никуда не ездить: и кони устали, и следы свои плохо видно. А как раз новолуние было, и без месяца, да на рыхлом осыпающемся на песке-то – ни зги всё равно не видеть. А тут ещё тени зловещие – словно обступают, и шушукаются о чём-то нехорошем между собой – дескать, вот повезло-то: сколько послушников заветов мудрых аксакалов произведем сразу: другим-то впредь – наука!

Хотели юноши наши костёр развести, чтоб не так тоскливо было, да и на ужин кое-чего разогреть. А дров нет: думали, что за день управятся, выехали налегке.

Ну, пожевали то, что в мешках-то седельных нашлось, напоили коней-то. (А то ведь из пустыни-то дикой не больно пешком выйдешь – завязнешь!) Да и спать легли.

Часовых, однако выставить – мало ли что! – Анвар не забыл.

Утром, чуть солнышко озарило всё бодрым, и пока незлым, светом, смотрят – а нету никаких следов! Все их следы ветром пустынным замело. А дороги-то никто, конечно, в азарте погони не примечал. Ну и как теперь выбираться?!

Всё же решили, что просто поедут на восход солнца – вчера, как ни увлеклись погоней, а заметили, что солнце всё время в глаза било – на запад, стало быть, скакали...

Вот едут час, вот два – ни следа от коней, ни приметы какой, ни даже саксаула. (Это такое пустынное растение, не боящееся даже Духов пустыни да солнца, уж очень солнцестойчивое потому что, да и воду может корнями хоть из подземелий Мардука доставать, такие они длинные – а вовсе не то, что обычно понимают под этим словом невежды разные!) А ведь вчера, когда погоню вели – вокруг много его, саксаула, то есть, было. Да и верблюжьей колючки.

Ясно дело – заблудились.

Да только у кого в пустыне дорогу-то спросишь!..

Однако нашлось вдруг у кого.

На кромке небольшого бархана сидит черепаха. Большая такая, важная: гордо обводит вокруг взором – словно всё тут принадлежит ей, а гостей незваных она не привечает, а просто ждёт: когда наконец уберутся, и перестанут нарушать её гордое уединение!

Подъехал к ней тогда шахзоде Анвар, и говорит, вроде,

как в шутку: поприкалываться захотел, поддержать упавших духом спутников-то своих:

– Здравствуйте, ваше Высочество, черепаха пустынная! А не подскажите ли нам, заблудшим путникам, как нам в город Бадаркент попасть, столицу Горезмского ханства?

И вот отвечает им черепаха пустынная, да ещё приятным таким женским голосом:

– Здравствуй и ты, шахзоде Анвар! (И свите твоей тоже – привет.) Вот только дорогу я тебе не скажу, пока на поклянёшься ты словом шахзоде взять меня в жёны!

Принялись тут орать, да ругаться, возмущаясь, молодцы из свиты Анвара! Пока шахзоде, сам молчавший, да только на черепаху пристально смотревший, не поднял руку, велел им заткнуться. И ответил он тогда черепахе:

– Предложение твоё, уважаемая, по меньшей мере, странное. Да и не подобает оно мне, падишахскому сыну. Не могу я, наследник Трона и Престола, вот так, запросто, пообещать простой – не девушке даже, а черепахе! – взять её в жёны.

– Да чего с ней церемониться! – заорали опять спутники его, даже на песок многие пососкакивали. – Убить её, да и поджарить! Проучим нахалку! Заодно и пообедаем!

Шахзоде даже рот открыть, чтобы остановить их, не успел, как вдруг повела этак легонько головкой граненно-чешуйчатой черепаха, да и молвит:

– В камни!

И точно! Не успел отзвук эха пустынного смолкнуть, как

вместо придворных молодцев-красавцев, да и их коней – камни пустынные лежат на песке: какой побольше, а какой – и совсем уж маленький... Опешил шахзоде, на секунду даже дар речи потерял. Затем взял себя в руки:

– Уважаемая госпожа черепаха! Приношу вам мои самые искренние извинения. От себя, да и от имени спутников своих порывистых, да плохо соображающих... Не могли бы вы, в знак прощения, вернуть им их человеческий облик?

– Отчего бы не вернуть, – говорит тогда черепаха, – Я вполне понимаю их горячность, и презрение ко мне, низкородной пустынной твари. Однако если ты, и правда, хочешь принести извинения, у нас, в пустыне, они не так делаются. Ты сидишь верхом, а я – вот она, внизу. И *ты*, словно бы *высока*, просишь у меня прощения...

Не выглядит это извинение правдивым. А так – словно у вас во дворце: чванливо-высокородное лицемерие!

Вот если и правда хочешь извиниться, слезь с коня, да стань передо мной на колени – чтоб *моя* голова была выше *твоей*! И я поняла серьёзность твоих намерений, и искренность твоих извинений!

Призадумался Анвар.

Сроду он – отпрыск царских кровей! – ни перед кем на коленях не стоял!

Однако вспомнил – вспомнил, что это его идея была. Поохотиться в песках. Догнать джейраниху. И сам спутников не остановил, когда захотели балбесы эти порывистые убить

черепаху. Значит, это именно он, как старший в их Команде, несёт полную ответственность за то, что натворили. И жизнь своих сотоварищей.

И если они не вернутся домой, к отцам и матерям, он просто не сможет смотреть тем в глаза. (Обычный шахзоде, такой, как их изображают в старых сказках, то есть – самолюблённый и чванливый, конечно, гордо отказался бы. А, может, и послал бы наглуемую черепаху. Куда подальше. Но Анвар – шахзоде не совсем обычный. И, может, как раз поэтому про него и сказка – не совсем обычная.)

Засунул тогда Анвар подальше, (туда, где солнце не светило – объясняем для непонятливых) свои амбиции и гордость, бессмысленную в такой ситуации. Слез с коня. Подошёл к бархану, где черепаха с царственным видом сидела. Встал и правда – на колени: так, чтоб его голова оказалась пониже черепашьей:

– Госпожа черепаха! Я, как виновный в невоздержанности своих спутников, приношу вам от себя, и от их имени, покаянные извинения. И заверения в нашем нижайшем почтении. Обещаю: больше никому в голову не придёт убить и съесть вас.

– Ага. Смотри-ка. – в тоне черепахи прорезалось будто бы удивление, – А ты молодец. Чувствуешь свою ответственность. За своих людей. Да и вину перед их отцами, если полягут их чада здесь, в песках. Похоже, из тебя получится неплохой... Правитель... Со временем. Особенно, если осте-

пенишься. Я имею в виду – женишься и заведёшь наследников. (Вот уж перед кем нужно нести ответственность!..) Ну да ладно.

А, кстати, почему это ты никого не выбрал в жёны до сих пор?

Подумал-подумал тут шахзоде, да и говорит (Ну, понял он, что видит его насквозь волшебная черепаха. Мысли его – словно в открытой книге читает):

– Не выбрал я, уважаемая госпожа черепаха потому, что не понравилась мне ни одна из тех достойных, безусловно, всяческого уважения и восхищения, кандидаток, что предлагал мне отец. Вот – не пришлись по сердцу, и всё тут!

– За честный ответ похвалю тебя ещё раз, отважный шахзоде.

А теперь хочу предложить тебе последнее испытание.

Взгляни на меня. Это ведь я, в облике джейранихи, завела вас сюда. А завела, чтобы проверить: может ли оказаться простой смертный достоин – меня! Смотри же!

Превратилась тут старая грязная черепаха в девушку.

Чуть не ослеп от удивления и её красоты неопиcуемой, поражённый шахзоде!

О, Аллах милостивый и милосердный! Глаза – словно у серны, чёрные, глубокие, такие, что и утонуть в них можно! Стан – м-м-м!.. Стройней кипариса! А налитые выпуклости – ну, того, чему полагается быть налитым и выпуклым! – выше всяких мечтаний! А уж кожа... Белей благороднейшего

белого мрамора каррарского.

Резануло Анвара прямо по сердцу. Да, видать, глубоко резануло: пришлось даже за него схватиться! А уж удивился он – дар речи потерял. Потому что нижняя челюсть отвалилась почти до пупка... (Шутка! На самом деле – только до воротника рубахи.)

Однако, когда пришёл немного в себя, (Ну так – шахзоде же! Не чета простым смертным!) спросил:

– Как же звать-величать тебя, о Пэри моей мечты? Прелестнейшая из дев?

– А зовут меня Камилла. Я – дочь повелителя Пустыни Борбасса. И если по нраву я тебе, – шахзоде сразу закивал: ему опять перехватило дыхание! – поезжай прямо на запад, пока не доберёшься до Города Теней. Если сможешь спуститься в его подземелья, да преодолеть все преграды и ловушки, что поставил на пути таких, как ты, мой отец, тогда встретишься и с ним самим. И сможешь попросить моей руки.

А сейчас – прощай! Вышло время, которое он отпустил мне на прогулку.

Камилла исчезла. А шахзоде только и успел подумать, что, оказывается, не только сыновей отпускают отцы порезвиться на охоте, а и... – как вдруг вокруг зачихали, зафыркали, зашикали... Это стали превращаться обратно в людей и коней камни, в которые обратила их дочь повелителя пустыни. Вернулись в первоначальный облик все – никого не перепу-

тала милая шутница. А ведь – могла бы, как понимал сейчас Анвар.

– Отряд! Стройся! За мной, шагом марш... – Анвар теперь понял, где они находятся, и посчитал себя обязанным возвратить всех домой лично. И убедиться, что все остались живы и здоровы. Маршрут ясен: раз Пэри его мечты приказала ехать за ней на запад, им сейчас нужно – в противоположную сторону. В город.

Спутникам его порывистым – по домам. Лечить ожоги солнечные, да отсыпаться.

А ему – предупредить отца. Собраться-снарядиться. Да – в путь!

Три дня отсутствия сына должны были, вроде, напрочь падишаха Иброхимбека.

Однако почему-то не напрягли. Даже крошечки волнения не выказал он перед уважаемым Диваном, когда обсуждали они архиважные государственные дела, накопившиеся к моменту прибытия юных охотников.

А прибытие торжественным отнюдь не было: гордиться-то особо нечем. Ни добычи, ни веселья. Только пропылились все насквозь, обгорели, да устали. Да и коней чуть не до полусмерти заездили.

И вот, только когда шахзоде убедился, что все друзья его отбыли по домам, да помылся как следует, чтоб не вонять потом – своим и коня – отправился он к отцу.

О чём уж они там говорили, и как проходила беседа, то никому не ведомо: потому что даже «уши стен» – а точнее, дырки, проверченные неугомонными советниками Иброхимбека, чтоб быть в курсе последних новостей и тенденций правления – заткнул изнутри падишах. Затычками. И знали все приближённые: это – серьёзно! Потому что рубил головы слушников любопытствующих, вынимающих затычки, Иброхимбек – нещадно!

Однако рано поутру выехал шахзоде Анвар из главных ворот города. И выехал не на рысистом арабском скакуне, а на выносливом мерине – помеси тяжеловоза с дикой степной кобылицей. И было к его седлу приторочено бурдюков с водой – несчитано-немеряно, да продукты кое-какие. Сушёные. Недели, как сообщил главный повар остальным любопытствующим, на три...

Ну, про верный лук с полным колчаном, да саблю из дамасской стали упоминать не надо, полагаем – и так ясно, что уж не забыл их дома на стене с трофеями да оружием, шахзоде Анвар.

Вот едет он по пустыне день, едет два. (Помните анекдот про то, как персы поймали триста спартанцев, да предлагали принять их веру? Вот и здесь – то же самое. Однообразно и предсказуемо.) Когда на исходе оказалась вода для него и коня, добрался-таки шахзоде до Города Теней.

Хоть и не было здесь зданий в привычном смысле этого слова, сразу догадался Анвар, что это – Город Теней. Потому

что только тени и вырисовывались перед ним в лучах предзакатного солнца: тени словно от дворцов, минаретов, лачуг бедняков... А самих зданий – ни следа! Обычного человека дрожь пробрала бы до корней мозгов от этого дикого зрелища! Но, как мы уже упоминали, шахзоде и не был обычным человеком.

Приздумался царевич: как же внутрь-то попасть?! Ведь нет никаких домов. Значит, и входов тоже – нет. Ходил туда-сюда, чесал отросшую чересчур за эти дни щетину бородки... Однако решил, что утро вечера удалее, и надумал заночевать прямо на базарной (А узнать её легко: она обычно располагается напротив дворца султана-падишаха, и это всегда – самое большое пустое место в любом восточном городе.) площади.

Стреножил мужественного коня Анвар, напоил, дал овса. Сам пожевал сухарей да вяленного мяса. Запил скупыми глоточками воды из своего последнего бурдюка. И невольно подумал: обратного-то пути, а, стало быть, и выбора, у него, да и у коня, нет.

Потому как негде им взять воды на этот самый обратный путь.

Значит, придётся найти решение загадки. Да преодолеть все препятствия и ловушки, что понаставил «на пути таких как он» многомудрый, хитроопытный, и вряд ли особо жалующий простых смертных, Борбасс.

Прилёг шахзоде прямо на песок, поднял глаза в бездонное

ночное небо. Вот она – царица-луна, вот – точки ярчайших звёзд... Красиво горят.

Но глаза его возлюбленной – ярче!

Стал шахзоде тогда сочинять стихи, посвящённые Камилле – потому что глаза её затмевали ему и луну, и звёзды... Да и свет солнца, если уж быть честными! Вот такие уж они – влюблённые. Во все времена. И ничего-то с ними сделать нельзя. Потому как превосходит все остальные чувства эта самая, никого не спрашивающая, и так внезапно возникающая...

Не заметил Анвар, как заснул.

Проснулся словно от голоса. Вернее – голосов.

Ругается словно кто-то. Мужчина и женщина.

Вскочил на ноги шахзоде. О! Вокруг-то – Город! Настоящий город – с базаром, лавками да лотками с товаром, людьми, верблюдами да ослами, которых ведут в поводу фигуры, снующие по улицам тесным туда-сюда...

Понял шахзоде, что сработало древнее волшебство – словно ожил Город Теней!

Однако, когда попробовал спросить у ближайшего человека, что тут и как, понял, что не совсем всё же ожили древние стены и обитатели.

Потому что сквозь человека прошла рука Анвара, когда попробовал он задержать не слышащего его, и спокойно проходящего мимо него, мужчину в одежде стражника.

Призадумался шахзоде. Однако нашёл коня своего, рас-

треножил, да двинулся, держа того тоже в поводу, сквозь строй бестелесных теней прямо во Дворец не то – султана, не то – падишаха. Прошёл мимо теней стражи дворцовой, сквозь анфиладу покоев шикарных, изукрашенных, да тенями роскошных ковров увешанных. Подошёл к трону.

А на троне – и сам властитель восседает. Ароматный зелёный чай из узорчатой пиалы попивает. И смотрит тут Анвар – за спиной повелителя, за тронном, чернеет проход.

Сразу понял он, куда ведёт этот проход – потому что такой чёрной, (Простите за тавтологию!) угольно-чернильной черноты не видал он больше нигде и никогда!

Понял тогда шахзоде, что это – первое Испытание. Хочет проверить его Борбасс – достанет ли у потомка царских кровей силы духа войти в эту густую, словно вязкую на вид, похожую на самый тягучий клей, черноту?..

Но что же с конём-то ему делать?!

Ничего не придумал шахзоде лучше, как повести коня за собой.

И правильно сделал: как подуло вдруг в тёмном тоннеле, как закружило! Ветер – словно ураган, поднятый крылами легендарной птицы Рухх! И если бы не держался за стремя верного коня шахзоде, так и вылетел бы обратно: к не то – султану, не то – падишаху в тень тронного зала!

Но преодолели они ветер!

И вот – оказались вдруг на улице... Обычного города! Ну, то есть – такого же, как столица царства Горезмского – род-

ной Бадаркент.

А хорошо тут. Привычно. Солнышко светит. Люди идут. Верблюдов ведут, ослов. Да и каравансарай вон: открыт, работает.

Завёл коня туда шахзоде, сунул монету мелкую подскочившему конюху, препоручил скакуна, опасно косящего на всё глазом, да настороженно похрапывающего, его заботам... А сам к каравансарай-боши пошёл.

Ну, монета, которую тому передал Анвар, уж не медная была – можете не сомневаться.

И когда показывал каравансарай-боши шахзоде его комнату, (Неплохую, кстати, и чистую!) стал Анвар задавать и наводящие вопросы. Он, мол, путник из *очень* далёких краёв. И ничего-то про этот Город и его жителей не знает... А хотел бы.

Ну, каравансарай-боши-то – мужчина ушлый да сообразительный. (А то не продержался бы долго на такой должности – разорился бы на фиг!) Быстро заметил второй золотой кружок в ладони Анвара. Вот и поведал об истории славного города – в задней комнате караван-сарая, куда увёл шахзоде. Да тоже – за пиалой ароматного чая.

– Город у нас, о путешественник из дальних краёв, непростой. С богатым прошлым, и волшебным настоящим... Другого такого нет на всём белом свете. Да и раньше-то, поди, другого такого поискать на всём ближнем Востоке! Были у нас и самые цветистые сады, и самые плодородные поля во-

круг. И полноводные арыки с чистейшей питьевой водой – подведённые с горных ручьёв да рек. И базар прямо ломился от даров этих самых полей и садов. А уж мастера наши – что кузнецы, что чеканщики, что резчики по дереву!.. О-о! Но...

Но поспорился как-то наш Падишах с соседом – и глупо так поспорился.

Из-за дочери соседа. Ну вот не захотел наследный шахзоде Махмудбек жениться на такой, как он её сгоряча назвал, дочери верблюдицы!

Оскорбление царского достоинства, словом!..

А сосед, понимая, что силой оружия он ничего не сделает, (ну, побольше войско-то было у нашего падишаха Аббаса, отца порывистого Махмудбека) призвал из земель заморских мага могущественного – кхатайца одного! А тот, не будь дураком, как раз и потребовал в уплату – ту самую «дочь верблюдицы» себе в жёны...

Ну, падишах тот чуть на стену не полез! Отдать плебею какому-то чужеродному – дочь его любимой жены! Прекрасную (Это он так считал!) Аминочку!.. Но уж больно обидным показалось ему оскорбление от сына соседа – подумав пару дней, согласился.

И вот три дня и три ночи бушевала невиданная буря песчаная!

Занесло наш город. Занесло со всеми его минаретами, улицами, дворцами да караван-сараями. И никто ведь из города выбраться не смог – чтоб на подмогу позвать каких-ни-

будь других магов. Так песок всех жителей и поглотил...

И намело такую его гору над нашим городом, что провалилась она под собственной тяжестью в тартарары! И вывернулся тогда словно вверх дном наш город любимый, и улетел песок прямо в небо – как улетел бы он в пропасть бездонную. И не стало нам пути назад. Только могущество великого Борбасса нашего поддерживает всё же крохотный мостик меж двумя мирами – нашим, и тем, что наверху остался... И не пройти по тому мосту человеку простому!

Не пройти без очень сильного желания!

Того желания, что сильнее страха смерти!

И вот, уважаемый «гость из дальних земель», знай: ты – первый за последние два века *живой* человек, что я встретил здесь. И не пытайся отрицать, – увидев, что шахзоде поднял руку, и мотает головой, пытаясь возразить, почтенный каравансарай-боши ехидно этак усмехнулся в седые усы, – Уж я-то вижу, что за тобой... Остаётся ТЕНЬ!

Ни у кого из наших, городских, здесь её нет. Так что хорошо, что ты умён, о путешественник, и не попёр, словно самовлюблённый тупой баран, прямо к Падишаху Борбасбеку, как делали предыдущие пришельцы-шахзоде... А оказался готов послушать простого, пусть и многоречивого, старика – какавансарай-боши.

Тебе пригодятся мои советы. Ох, пригодятся!

Советы Анвар слушал, затаив дыхание – понимал, что

именно этого ему и не хватает для успешного преодоления преград и ловушек!

Знания!

Знания местных условий и нравов. Традиций. Обычаев. И, разумеется, характера правителя... Который простому смертному дочь уж точно не отдаст.

Думал при этом шахзоде только об одном: хватит ли у него силы, ума и хитрости преодолеть или обойти ловушки-преграды, и смелости – встретиться лицом к лицу с Борбассом, отцом его возлюбленной...

Так что ничего из рассказанного не пропустил Анвар мимо ушей!

Ко дворцу повелителя Города Теней пошёл шахзоде только утром. Выспавшись как следует, да обдумав много раз то, что услышал от почтенного хозяина каравансарая.

Вот приходит он к воротам Дворца, а там – Стража. Первая, стало быть, преграда на пути его. Говорит тогда Анвар, сын Иброхимбека:

– Во имя Аллаха милостивого и милосердного, я, человек из Верхнего Мира, приказываю вам! Станьте тем, чем и положено вам быть: прахом земным!

И рассыпались тут в прах все стражники Дворца – а было их немало! – рассыпались потому, что только сила заклятия, наложенного кхатайским магом, и удерживала от этого их столетия назад истлевшие тела!..

Двинулся дальше вглубь дворца шахзоде. Смотрит – из боковой комнаты выползает – ни много ни мало! – огнедышащий дракон. И сердито так когтистой лапой пол царапает мозаичный, да клубы дыма из ноздрей выпускает... Не рад гостю, похоже.

Говорит тогда ему Анвар:

– Здравствуй, уважаемый дракон! Может, разойдёмся миром? Потому что больше жизни люблю я ту, что спрятана в этом дворце! И хочу получить прекрасную Камиллу, дочь падишаха Борбасбека! Так что пройду я тебя, даже если мне придётся такого уважаемого дракона убить для этого. Вот и спрашиваю: может, дашь пройти влюблённому?

– Не дам, хоть и уважительны и разумны твои слова, шахзоде. Сердцем я отлично понимаю тебя – сам женат! – но не могу дать тебе пройти, пока жив! Потому что любовь-любовью, а не пускать к Пери таких как ты – моя работа. И делать её я привык на совесть.

– Что ж. Понял я тебя, уважаемый дракон. Извини ещё раз, но придётся в таком случае убить тебя! – обнажил шахзоде Анвар тут саблю свою верную, да щит снял со спины – прикрыл им плечо левое.

И вовремя! Потому что как раз пустил дракон струю пламени обжигающего!

И убедился тут шахзоде, что тени-то – тенями... А жжётся огонь драконий – почище, чем раскалённое масло! Хорошо хоть – успел броситься на пол, да перекатиться!..

Недолго они бились. Потому что быстр и ловок был шахзод: недаром тренировался в фехтовальном зале по полдня, да на охотах-стрельбищах не халтурил, и поблажек себе не делал: чтоб выносливость-то приобрести. Загонял он несчастного дракона по залу-то приёмному – так, что ни одного целого ковра не осталось на стенах от потоков пламени, да пол напоминал теперь больше котлован для строительства минарета, чем полированную мозаику...

Не успевал уж дракон голову на чешуйчатой шее поворачивать за быстро мечущимся туда-сюда неуловимым комком плоти, да поднял голову к потолку сводчатому, чтобы диким рёвом выразить разочарование своё! Подпрыгнул тут высоко шахзоду, да и оказался прямо на спине дракона.

Сверкнула сталь, и покатила на пол голова отрубленная...

Но не возрадовался Анвар, а покачал в сожалении головой:

– Прости, преданный слуга Борбасса, что убил тебя, как и обещал. Прощения прошу и у жены твоей, и деток ваших, драконят, что пришлось их сиротами оставить.

Ничего не ответила голова отрубленная, хоть взор её и был обращён на шахзоду. Лишь загадочно-хитро ухмыльнулась, да подморгнула глазом чёрным... И что-то показалось знакомым Анвару в этом подмигивании – вот точно так же подмигивал ему хозяин каравансарая, рассказывая о преградах да ловушках Дворца...

Тряхнув головой разгорячённой, чтоб отогнать полезшие вдруг странные мысли, вытер Анвар саблю о шкуру чешуйчатую, да в ножны вложил. Знал, что дальше она не понадобится – дальше по плану Борбасса он должен Лабиринт преодолеть.

Но свои планы имелись у шахзоде. О том, что ему – преодолеть, а что – можно и обойти. Потому что гордость, не позволявшая другим претендентам попросту избегать преград, и заставлявшая высокородных амбициозных наследников тронов чванливо-прямолинейно переть вперёд, словно, вот именно – бараны – здесь была неуместна.

И вот ловко забрался юноша по карнизам да выступам к потолку резному-лепному, да выбрался в верхнее окно, выбив раму с узорчатым цветным витражом стеклянным.

Путешествие по крышам да куполам комнат разных, конечно, не столь удобно, как хождение по ровному полу, но недаром Анвар и по горам приучился ходить – куда там козлам горным!

Добрался до центрального, самого большого, купола. Где тронный зал, стало быть, у Борбасса находился. Выбил и тут раму с витражом. Прыгнул на люстру, большую и тяжёлую. Раскачал её. Да допрыгнул до ковра огромного на стене ближайшей. Вонзил приготовленный кинжал в кромку верхнюю, и крепко держа его, вниз и съехал, оставив за собой след разрезанной шерсти златотканой.

Развернулся к трону помпезно-золотому.

Поклонился низко, но с достоинством – отпрыск царского рода всё-таки. Нужно и потенциальному тестю уважение оказать, и своего отца не опозорить...

– Здравствуй, о Борбасс великий, повелитель Города Те-ней! Я – шахзоде Анвар, сын падишаха Иброхимбека. Извини за столь странное появление пред твои очи, но не хотел я сутками блуждать по тёмным закоулкам, да крыс с шакалами в подземельях заплесневелых рубить. Вот и пробрался сюда по крышам.

Падишах Борбасбек смотрел на шахзоде с интересом. Видно было остроглазому и наблюдательному Анвару его глаза. И читал он в них, что не слишком сердится Отец Камиллы на разбившего окна с драгоценными панно, да порезавшего ковёр златотканый, шахзоде. Но – не улыбнулся хозяин гостю. На приветствие не ответил. Сказал:

– Ведомо мне, зачем ты здесь, шахзоде. Рассказала о вашей встрече дочь моя любимая. Не могу сказать, что меня сильно привлекает возможность породниться с родом человеческим, смертным... Однако по желанию Камиллы дам я тебе шанс. Попробуй добиться руки её. Последнее препятствие тебе осталось. Но – самое сложное.

Я.

Ответишь верно на три мои вопроса – получишь дочь мою в жёны. Не ответишь – уж не обессудь. Казнят тебя.

И верно – из четырёх входов с резными шикарными дверьми вдруг потянулись, и замкнули кольцо вокруг шахзо-

де, не меньше пятидесяти стражей. Самого свирепого вида, в кольчугах, да с луками натянутыми, да ростом – каждый на голову выше Анвара. Не иначе – из провинции Джалла-лабад, как подумалось невольню шахзоде...

– Вот и выбирай, шахзоде Анвар – согласен ли попробовать ответить на вопросы мои. Потому что если будет хоть один ответ неверным, превратишься ты в подушечку для иголок. И отца своего, уважаемого Иброхимбека, оставишь без любимого наследника.

Или, если передумал – уходи прямо сейчас назад, домой. Препятствовать не буду.

Сглотнул пересохшим горлом Анвар.

Нет, он понимал, конечно, что любит его отец его, Иброхимбек...

Но есть у него и другие сыновья! Восток же! Тут только законных жён – четыре! Не говоря о прочих жёнах и наложницах... Так что, если не вернётся он лет этак через пять, наследником придётся объявить Бахтиёра – младшего брата Анвара.

Но деваться некуда – ведь отступить, когда прошёл почти весь путь!..

Недостойно. И – не только шахзоде, но и вообще – влюблённого!..

Да и незачем!

Ведь любит он сильнее жизни принцессу Камиллу!

И так и так – не будет ему без неё жизни!

– Спрашивайте, Ваше Величество! Я готов.

Теперь молчал уже Борбасбек. Только пальцами в шикарных перстнях кудри седой окладистой бороды перебирал.

Молчание, словно давешняя тьма в проходе, стуслилось так, что хоть ножом его режь. Окружало, давило со всех сторон, словно глыбы камней неподъёмных... Но молчал шахзоде. И только старался смотреть прямо в глаза Борбассу.

И тот, наконец, разлепил губы:

– Вот мой первый вопрос, шахзоде Анвар. Что это: утром – на четырёх, днём на двух, вечером – на трёх ногах.

Моргнул удивлённо шахзоде – странно! Ведь этой загадке, наверное, столько же лет, сколько самому Городу Теней... Может, не придумали тут, с тех пор, как провалился Город под землю, новых, сложных? Или вопрос – с подвохом? Или... Или хочет...

Помочь ему получить несравненную Камиллу в жёны великий Борбасс?!..

Ответил тогда Анвар:

– Не хочу обманывать вас, о уважаемый Борбасс, будто в первый раз слышу эту загадку. И ответ на неё, то есть, тот ответ, что передаётся людьми моей страны из поколения в поколение, мне известен – мать загадала мне её впервые...

Человек это. Ибо в молодости все мы ползаем на четвереньках, покуда не встанем на две ноги прочно. А в старости многим приходится пользоваться клюкой, или посохом – вот

и третья нога.

– Хорошо. Твой ответ принят, шахзоде. А вот тебе и второй вопрос. Что самое главное, что должен делать Правитель?

Не стал долго думать шахзоде – ответ и на этот вопрос был ему знаком.

– Главное, что должен делать Правитель – следить, чтоб хорошо жилось его подданным!

Чтоб не было при нём принято несправедных законов, придумано новых налогов, или совершено дел, мешающих его подданным спокойно жить и работать. Главная задача Правителя – обеспечить мир, и такое положение в стране, чтоб каждый мог достойно прокормиться своей работой, своим ремеслом. И детей своих вырастить.

Ибо только если все будут знать, что то, что они сделают – будь то зерно, или подкова – не будет отобрано у них чиновниками несправедными, или не сгорит в огне вражеского набега, будут они трудиться с охотой – зная, что работают не на Правителя и бюрократов, а на себя и своих детей! А, как известно, чем больше товаров разных сделано в стране, да даров полей выращено, тем богаче и сама страна.

И спокойней и уверенней в будущем благополучии своих детей чувствуют себя подданные Повелителя.

Сверкнуло что-то в глазах отца прекрасной Камиллы. Нахмурил он густые брови:

– Это – ты сам додумался?

– Нет, о великий Борбасс. Этот ответ принадлежит моему отцу. Но я полностью согласен с ним – мудрый Правитель в первую очередь должен заботиться о благе своих подданных. Потому что именно благодаря им – простым землепашцам, кузнецам, гончарам... да и всем остальным, с виду таким ничтожным, подданным – на самом деле богатеет Держава! И если брать с них налогами больше, чем они согласны отдавать, очень скоро все... Восстанут! А если уж слишком велико войско у Правителя, и жестоки военачальники – так просто прекратят работу, да сбегут к соседним Падишам – налоги и законы которых не делают тяжкий труд бессмысленным.

– Хм-м... Я вижу, что неплохо ты образован. Рад за твоих родителей – достойно выучили они сына. Ну а теперь – вопрос последний.

Почему ты здесь? Почему не боишься умереть?

Долго на этот раз думал шахзоде, опустив очи к земле.

Но всё же, когда поднял их на Борбасса, не было в них страха:

– Я здесь, о великий Борбасс, потому что больше жизни люблю твою дочь Камиллу! И если не отдашь ты её за меня – не страшно мне и умереть! Поэтому и не боюсь я твоих лучников – не так страшна мне смерть, как твой... Или – её отказ!

Глубоко вздохнул грозный Борбасс. Откинулся своим огромным телом на трон. Снова погладил себя ладонью по

бороте кудрявой, покачал головой.

– Засчитан твой ответ, шахзоде Анвар.

То, что ты верный товарищ, и чувствуешь ответственность за людей, что подчиняются и верят тебе, мне рассказала дочь.

То, что ты предусмотрителен, и не кидаешься очертя голову в недра бесплодной пустыни, я видел и сам.

То, что ты разумно подходишь к изучению тонкостей незнакомой страны, я понял вчера. А то, что способен и готов находить оригинальные решения, я понял только что. Ещё я понял, что ты и быстр и неутомим – не пролёживаешь часами на курпачах, поглощая сладости, попивая шарбет, да убажывая взор танцами прекраснейших девушек. Хотя и мог бы – в силу происхождения... И, наконец, вижу я, что сейчас ты сказал правду.

Словом, не нахожу я причины, по которой мог бы отказать тебе.

И вот тебе моя дочь. И моё благословение.

Хлопнул тут в ладоши великий Борбасс.

Вселенная раздалась и снова сомкнулась вокруг Анвара!

И оказался он сидящим верхом на своём верном жеребце, а на руках у него, в хеджабе, да шальварах, какие носили все женщины страны Иброхимбека – прекрасная Камилла. Уж её-то крохотную ступню точёной формы, чуть выглядывающую в золотошвейной туфельке из-под покрывала, Анвар ни с чьей бы не спутал, даже если бы не звучал в ушах перезвон

хрустальных колокольчиков: смех любимой!..

И очутились они, оказывается, прямо перед входом во дворец Иброхимбека: впереди дворцовая стража, позади – шум и гам базара на придворцовой площади.

А Камилла тут и говорит:

– Анвар! Отец велел тебе на память кое-что передать. Он сказал, что ты поймёшь! – и передаёт ему две золотые монеты...

Вспомнил тогда снова Анвар – и хитринку в глазах отрубленной головы драконьей, и загадочную ухмылку слишком уж много знающего караванбаши, и...

Понял он всё.

Приказал тут Анвар подбежавшим с поспешанием стражникам позаботиться о коне, сам же, с Пэри его мечты на руках, пошёл прямо к отцу в тронный зал.

Отец, увидев, что сын не с пустыми руками, тут же отослал весь почтенный Диван по домам – это-то дело поважней всех остальных!

Сын – с добытой невестой!

– Здравствуй отец! Позволь представить тебе любимую избранницу мою!

– Здравствуй, сын! Приветствую и тебя, о незнакомка, избранница моего сына.

Анвар вдруг почувствовал, как зашевелилась Камилла на его руках, понял чего она хочет, и опустил её на пол.

Отвесила тут его невеста отцу его низкий поклон, и гово-

рит, а голос – словно ручейки журчат, или птички по весне поют:

– Здравствуйте, о мудрый падишах Иброхимбек! Я, Камилла, невеста вашего сына, хочу поблагодарить вас за то, что воспитали столь замечательного мужчину, и умного, и терпеливого, и... Красивого! Силой своей любви и разума сумевшего понравиться моему отцу, повелителю пустыни Каракорум, могучему Борбассу, который шлёт вам через меня, о падишах Иброхимбек, свой привет, и выражает восхищение и почтение!

– Благодарю тебя за приветливые слова, о достойнейшая дочь своего отца. Поднимись же с колен... Дай заключу тебя в объятия... – Падишах дважды чуть прижал молодую к своей могучей груди. Затем чуть отстранился, улыбнулся. Глянул хитро сощуренным глазом на сына:

– А повезло тебе, безрассудный мальчишка! Твоя хоть ходит... А мне мою Мафтуну так и приходилось на руках носить, пока хвост не превратился в ноги!

– Папа?!.. – только и смог вымолвить поражённый Анвар.

– Да, я знаю, что я – папа. Уже двадцать лет как. – Иброхимбек весело рассмеялся, да развернул принцессу к сыну, – Иди же, иди дочь моя, в объятия своего избранника! У вас теперь будет множество забот!

А уж организовать вам самую пышную в мире свадьбу – моя забота!

Свадьба и правда, была такая, что не упомнят ни жители Столицы, ни падишахи-соседи, которых пригласили, конечно, всех.

И повесил Анвар одну золотую монету, возвращённую тестем, на шёлковом шнурке себе на грудь – рядом с ладанкой, которую дала ему в детстве мать. А вторую – приготовил, чтоб подарить первенцу их с Камиллой.

И появились через положенное время у падишаха Ибрахимбека внуки и внучки, в которых он души не чаял, и баловал всячески. И передал он в руки Анвара с облегчением – годы, всё-таки! – нелёгкое дело управления Государством и Столицей, а сам с любимой женой удалился в малый дворец в соседнем городе...

И когда первенец Анвара, мирно и мудро правившего все эти годы своей страной, пришёл к отцу своему рассказать, что влюбился в Пери воздуха, не пытался Анвар чадо своё вразумить – а только хитро себе в седые теперь усы, ухмылялся!..

3. Конан и Город Теней.

(Отрывок из романа «Конан и Волшебник с Севера»)

Проснувшись, Конан сладко потянулся.

Впрочем, не совсем сладко: рука тут же откликнулась несильной ноющей болью. Ничего – главное, двигалась она

уже нормально, и чувствительность в пальцы вернулась.

Сев, варвар осмотрелся, затем встал и на ноги.

Нет, никто и ничто не нарушало унылый однообразный пейзаж: пустыня и барханы с чахлыми кустиками солянки и полузасохшей верблюжьей колючки, да кое-где иссохшие на солнце скелеты кустов повыше – не то саксаула, не то карагача. Куда ни кинь взор – навевает только скуку да тоску. Хотя вон туда – назад! – пути уж точно нет. Да он и не собирался. И не только из-за гигантских муравьёв. Нет, идти предстоит только вперёд.

И, судя по всему, ещё долго.

Снова перевязав руку, он позавтракал вяленным мясом и сухофруктами, запив их скупыми глотками воды. Пусть безвкусно, зато питательно – на то и мясо...

Взглянув вперёд, киммериец почесал в затылке. Не похоже, что кажущаяся отсюда безбрежной, словно жёлто-оранжевый океан, пустыня, скоро кончится. Но дней на десять – если расходовать экономно! – воды должно хватить.

Такая дорога не слишком Конану нравилась, так как с тяготами быта и передвижения в пустыне он был знаком отнюдь не понаслышке. Для возвращения хорошо бы подыскать другой путь. Вот только какой?..

Он действительно никогда раньше не забирался так далеко на северо-восток этого гигантского континента. Да и никто, насколько он знал, не забирался. Те немногие, кто отважился хоть немного продвинуться по этому пути, которым

сам киммериец идёт уже три недели, рассказывали (Ну, те, кому удалось выжить!) очень... противоречивые вещи.

Дескать, народы этих мест собрали свои вещи, и – улетели. На небеса. А на свои старые земли наложили заклятье. Чтобы, значит, никто не селился, пока они не вернутся обратно – обновлёнными и сильными.

Этого Конан не понимал.

Хотя и про Лес и Пустыню за ним и существовали легенды в странах Гипербореи. Отнюдь не вселявшие оптимизма.

Но лес он уже прошёл. Пустыня же – вот она. И скоро выяснится, живёт ли здесь действительно беспощадный и невидимый Гажжет, от которого остаются только следы гигантских лап на песке. (Да и те почти мгновенно слизывает с поверхности неутомимый ветер.) Бесплотный и якобы неуязвимый враг, которого воочию никто не видел. А если кто и видел – рассказать уже не мог. Зато высохшую кожу его жертв, словно высосанных изнутри, кое-кому находить пришлось...

Про птицу Сиорнис, что в размахе крыльев достигает ста футов, и может говорить по человечески, Конан слышал неоднократно. Её-то кое-кто видел. Ну, тот, кто успел спрятаться... И почему это ей так нравится откусывать людям руки и ноги? Загадка. Правда, хорошо бы, чтобы не на его долю выпало её разрешение.

Надо отдать варвару должное – несмотря на то, что ему встречалось много монстров, и почти сказочных существ, в

тигро-змея он не верил. Как и в женщину-скорпионшу. Хотя, может, об этих созданиях лучше спросить у тех, кто, сам не зная, женат на таких?..

Оставался, правда, ещё Город Теней.

Возникающий, по слухам, перед понравившимся путником, маня соблазнами... Причём, для каждого – своими.

Однако Конан надеялся, что у него на пути он не возникнет. Некогда ему всякими загадками развлекаться, да соблазнами баловаться – дело надо делать.

Варвар быстро свернул лагерь.

Ночью, по его прикидкам, с учётом обязательного запутывания и заметания следов, он успел уйти от муравейника всего мили на четыре по прямой – уж больно устал.

Сыграло ли свою роль заметание следов, или ветер и песок сами стёрли его след и запах, или муравьям, и правда, стало не до него, но никакой погони не было. Уже одной проблемой меньше. Хотя глупо было опасаться, что маленькие – или правильной сказать, большенькие! – твари настолько похожи на людей, что сообразят, кто нанёс им столь страшный ущерб, и захотят за это поквитаться!

Нет, сейчас у них явно есть заботы поважней. Хотя бы воссоздать Семью. Выкормить из караваев-личинок новую Матку. Наплодить рабочих и воинов.

Впрочем, это уже не его проблемы – если придётся возвращаться тем же путём, абсолютно неважно, с какой из выстроившихся вдоль границы настоящей сторожевой цепью

Семей насекомых, встречаться – любить его, и позволять мирно пройти через территорию своего муравейника, они уж точно не будут. При любых обстоятельствах.

Буквально через пару минут пути киммериец вышел к глубокой и широкой воронкообразной яме в песке, удивительно правильной формы. Эта-то правильность его инстинктивно и насторожила. Как известно, симметрию и красоту уважают только разумные существа. От которых ему сейчас лучше держаться подальше.

Диаметр воронки составлял, наверное, футов тридцать, а глубина – не меньше двенадцати. Варвар вспомнил, что ночью, когда ему попало на пути три или четыре подобных, но более крупных, ям, он просто обошёл их, держась подальше, и не придав их виду и существованию особого значения.

Хвала Крому, что он поступил так!

Существо, обитавшее на дне, наверное, улавливало малейшие колебания песчаной почвы, и по ним точно определяло, где находится добыча. Внезапно из самого центра воронки в Конана ударила могучая струя песка. Если бы он продолжал стоять на кромке воронки, тут бы ему и конец!

Но к счастью, варвар уже двигался назад, чтобы не сползти в предательскую глубину песчаной ловушки, думая, с какой стороны лучше обойти странное образование. Поэтому струя задела его лишь краем. Но всё равно сбила с ног!

Полуослепленный, Конан инстинктивно откатился подальше от края.

И вовремя! Гигантская щетинистая лапа уже шарила на том месте, где он только что стоял.

Решив, что не до жиру, быть бы живу, киммериец со всей возможной скоростью, вначале на четвереньках, а затем и поднявшись на ноги, что было сил рванулся от ловушки прочь, даже не оглядываясь! И лишь отбежав шагов за пятьдесят, рискнул, кинув взгляд через плечо, замедлить бег, а затем и остановиться совсем.

Ну и вулкан он разбудил! Разъярённое неудачей, чернолапое существо било фонтанами песка во все стороны, два членистых, покрытых крупными – не то волосками, не то – щетинками, щупальца, с ужасающей силой ударяя по кромке воронки, ощупывали пространство за добрый десяток шагов от ямы с той стороны, где он только что был.

Но выбираться на поверхность и преследовать Конана проклятая тварь, судя по всему, не собиралась. Как и ругаться по поводу своей неудачи – над пустыней всё так же нависала почти абсолютная, если не считать шороха ветра и песка, тишина.

Успокоившись, варвар хмыкнул.

Муравьиный лев!

Как же он сразу не догадался, что это – ловушки личинок муравьиного льва! Наверное, этому помешали их воистину невероятные размеры. Впрочем, они вполне под стать самим муравьям. Вот почему те не очень-то забегали за добычей вглубь пустыни!

Что ж. Всё в природе взаимосвязано. Найдётся охотник и на охотника.

Но здесь – вряд ли в одной природе дело. Кто-то, скорее всего, неспроста, сотворил целый заповедник гигантских насекомых. Как и воссоздал древних тварей для леса.

Для охраны границ?

Скорее всего, именно так. Непохоже, что противника, способного на *такое* да ещё в таких масштабах, будет легко и просто одолеть. Но ведь киммериец на лёгкость и не рассчитывал.

Ничего, как бы силён и хитёр не был этот очередной чародей, настанет и для него час расплаты. Смертный час. И стражники и охранники, как звериного, так и человеческого облика, не смогут защитить его от Конана!

Он думал об этом спокойно, сознавая свою силу и способности. Враг силён? Он будет сильнее! Враг коварен и хитёр? Он – коварней и хитрее! Он – Конан-киммериец!

Ну а пока, похоже, надо опасаться гигантских пауков, скорпионов, ос, комаров, шмелей, сороконожек, жуков-скарабеев, и прочих покрытых хитином созданий из отвратительно многообразного отряда многолапых. Конан поёжился. Почему он так не любит всех этих милых и незлобливых тварюшек?

Наверное потому, что это у них взаимно. И обычно – это они первыми начинали кусаться.

Вряд ли теперь ему поможет верёвка из овечьей шерсти,

которую он каждый вечер раскладывал вокруг места ночёвки – как научили его бывалые обитатели пустынь и степей, туареги, предохранявшиеся таким способом от фаланг и скорпионов. Ладно, поживём – увидим.

По крайней мере, пожаловаться на скуку и однообразие он не может. Хотя, конечно, было бы приятно перекинуться хоть с кем-нибудь парой слов... Но нет – так нет.

Не обращая больше внимания на злобного льва, наконец, разочарованно хлопнувшего по песку обеими клешнями особенно сердито, и скрывшегося в своей западне, Конан отхлебнул воды, и двинулся дальше. По сторонам он теперь старался глядеть ещё внимательней, ворочая головой буквально через каждые десять шагов.

Однако, хотя однажды он действительно видел вдали какое-то огромное низко летящее насекомое, скрыться от которого ему помог очередной бархан, (К сожалению – или, вернее, к счастью! – оно было слишком далеко, чтобы определить, кто это!) больше с ним ничего опасного не случилось за весь утомительно-монотонный переход через огромную пустыню.

Однообразие её «красот» и нестерпимый, заставляющий даже его тренированные и закалённые глаза щуриться, блеск от мириад крохотных граней очень скоро сидели у него в печёнках, и варвар решил проблему по-своему.

Теперь он сменил ритм движения: шёл ночами, в относительной прохладе, освещаемый неверным мерцанием огром-

ных восточных звёзд и народившейся луной, а отдыхал и отсыпался днём, втыкая в песок меч, и закрепляя на нём и вырубленных из кустов шестах, как подобие тента от нестерпимого зноя, своё одеяло из шкур, и бывшие чулки.

Передвигался по сыпучему песку Конан ровным размеренным шагом, не напрягаясь. И только опытный путешественник мог бы сказать, что этот, обманчиво спокойный шаг, по скорости на самом деле мало уступит продвижению всадника, едущего по ровной, утоптанной дороге.

Действительно, как бы компенсируя бурные события в тёмном лесу и на его границе, пустыня не баловала варвара разнообразием ощущений и впечатлений. Вредоносных и злобных созданий больше не встречалось. (Мелкие чёрные жуки, брызгавшие в его сторону вонючей жидкостью из брюшка, и затем поспешно удиравшие при его приближении, явно в счёт не шли. Как и крохотные ящерицы, обитавшие обычно под корнями кустов верблюжьей колючки и саксаула. Эти просто хлопали на него хитрущими глазками с вертикальной щелью зрачка.)

Что же до людей, то только на пятый день ему встретились их следы. Но, к сожалению, следы остались от давно умерших, или просто покинувших свой, сейчас заброшенный, город.

Да, здесь был целый город.

Когда-то, судя по полузанесённому беспощадными песчаными наносами, каналу, здесь не ощущалось недостатка в

воде. Но так было очень давно: по-крайней мере, несколько веков назад. Варвар не увидел ни одной крыши – сгнившие перекрытия давно рухнули вовнутрь, создавая странную иллюзию незащитности всего сущего перед неумолимым временем. И хоть дождей здесь не бывало, глинобитные стены сверху пообвалились, и выглядели сильно попорченными песчинками, всё время несомыми неугомонным ветром.

Полупустые оболочки никому не нужных теперь величественных зданий в центре, в отличие от домов бедноты у окраин, сохранились получше, но и они не служили больше никому. Так же, как не радовали больше ничей глаз и прекрасные настенные фрески и мозаичные полы, украшавшие некоторые строения внутри.

Раса, населявшая эти места, судя по изображениям, походила внешностью на туранцев или иранистанцев: смуглые, невысокие, с раскосыми глазами – да и белая удобная одежда наподобии хеджабов – у женщин, и простых балахонов – у мужчин, выдавала жителей жаркого климата.

Они тоже охотились, трудились, воевали, пировали, торговали. Все эти, такие нелепые среди всеобщего запустения, следы когда-то бурлившей жизни и суеты, столь характерные для больших государств и их городов в период расцвета, показались Конану теперь такими жалкими и ничтожными! Особенно – на фоне торжества необъятного моря песка, угрюмыми неумолимыми волнами подступавшего к мощной когда-то, а сейчас – полуобвалившейся наружной стене,

и вихрями носившегося по полузасыпанным улочкам.

Конечно, варвару и раньше неоднократно случалось бывать в давно заброшенных, или полуразрушенных войнами, городах. Но здесь...

Он почесал затылок: неужели *вот это* – тот самый, легендарный, Город Теней?

И чем же таким «неотразимым» эти руины смогут его заманить?!

Чушь собачья. Городом Теней здесь на пахнет. Просто – ещё один сдавшийся на милость стихии город, жители которого устали бороться с ежедневным упорным натиском пустыни, и, плюнув, и побросав жилища, откочевали в более гостеприимную местность!

Дворец Правителя не поразил. Конан обошёл его буквально за несколько минут весь – ни фрески, ни выложенные мозаикой бассейны внутри комнат, его не впечатлили: видал и пороскошней! Зато вот лестница, начинавшаяся за тронотого, кто здесь правил, и ведущая вниз, варвара заинтересовала.

Жаль только, что она оказалась тоже до половины засыпана вездесущим песком.

Копать, или стремиться во что бы то ни стало побывать в незнакомых подземельях, Конан не собирался. Зато подумал, что в соседнем, широком и просторном зале, служившем, очевидно, для заседаний Дивана, очень даже неплохо можно переночевать.

Когда со скучным ужином было покончено, он лёг на свою подстилку, повернулся на спину. Обратил взгляд вверх. Вот уж чего не отнять у Восточного неба – так это его загадочности и красоты! И звёзды-то здесь кажутся словно ярче, и словно – больше их. И мигают как-то совсем уж загадочно и с хитрецей: словно приглашают разгадать их древние загадки!..

Он не заметил, как уснул.

А он точно – уснул. Потому что разбудил его плачь.

Но откуда *здесь* могут быть живые, да ещё плачущие, люди?!

Бесшумной смертоносной кошкой Конан двинулся на звуки, сжимая в одной руке верный меч, другой поправляя перекосившуюся во время сна набедренную повязку.

Плакала женщина. (Ну, кто бы сомневался! Во всех ловушках и западнях Конану, неизменным оставалось одно: наживка! Мужчину лучше всего ловить на... Да, женщину.)

Она сидела на непонятно откуда взявшемся троне. Да и зал повелителя города оказался почему-то покрытым крышей! Киммериец не без удивления отметил, что видно всё внутри стало гораздо хуже: свет звёзд уже не проникал беспрепятственно во дворец.

Понимая, что деваться некуда, и «комедия» будет всё равно разыграна, раз уж появился он – живой зритель, Конан не торопясь и уже не скрываясь, подошёл. Он не боялся: хотели бы убить – убили бы во время сна. А здесь, вероятнее всего,

от него опять чего-нибудь потребуют. Как услугу за сохранённую жизнь.

– Приветствую тебя, о печальная незнакомка. – Конан заговорил на иранистанском, так как фрески сказали ему о близости этого народа к этой расе, – Поведай мне, в чём твоё горе? Могу ли я, Конан из Киммерии, как-то помочь тебе?

Незнакомка перестала рыдать, и подняла на него лучистые заплаканные очи.

Одета в полупрозрачно-воздушные восточные одежды, скорее, открывающие, чем скрывающие!..

Красива – нет, правда: очень красива. И не восточной, экзотически-специфичной красотой, когда за эталон принимаются крохотные, зато наштукатуренные по краям, узкие глазки, амфорообразное, без особой талии, упитанно-плотное тело с коротковатыми ногами, и жёлто-коричневый цвет кожи.

Нет, незнакомка напоминала, скорее, бритунийку: кожа – белей снега, глаза – в поллица, ни следа кокетства-жеманства, которым славятся восточные красотки, грудь – выше всяких похвал! Талия – тонкая, точёная. Бёдра – не безобразно полные, как вот именно – у восточных женщин, а – пропорционально стройные. Ноги очень длинные. Это Конан отметил, уже когда незнакомка встала. Чтобы заговорить с ним:

– Здравствуй, Конан из Киммерии. Благодарю за твоё сочувствие и любезное предложение помочь. Позволь предста-

виться. Я – Мадина-бону, дочь Бобура пятого, правителя когда-то гордого и могучего Манангана. А помочь... да, помочь мне ты, похоже, в силах. Вот только... Захочешь ли ты это сделать – я пока не знаю.

– Не захотеть помочь столь прекрасной госпоже я могу только в том случае, если ты потребуешь чего-нибудь несправедного. Например, убить невинного человека. Или помочь разорить какую-нибудь страну, с которой твой отец в своё время...

– Нет-нет, Конан-киммериец, вовсе нет. Ни с кем мой отец не воевал, и в гибели нашей страны и Города совершенно не виноват никто из *людей!*

(Ну вот. Сейчас начнётся, подумал варвар: женщина скажет, что это – проделки очередного негодяя-мага. И нужно будет разыскать его да пристукнуть, чтоб чары, наложенные на Город исчезли... И так далее. Бэл раздери! Везёт же ему на такие дела!..)

– Гибель нашего Города – сейчас его называют Городом Теней! – дело рук чародея. После того, как заклятье было наложено, отец убил его. Сам. В открытом бою. А тело мага даже сожгли по нашим традициям, но это...

Не помогло!

И вот я прошу тебя, Конан, воин из Киммерии – помоги нам!

– Что я должен буду сделать? – Конан решил вокруг да около не ходить, а сразу поставить вопрос конкретно.

– Ну... Это – не будет так сложно, как сражаться с чародеями, или простыми воинами... Или идти за тридевять земель в поход. Нет. Всё проще.

И сложнее.

Тебе надо будет просто... Подарить мне ребёнка!

– Постой-ка! – Конан, разумеется, буквально облизывался на роскошное тело, и очаровательное лицо... Но чтобы *вот так*: сразу – и – в постель!..

Не-ет, такого с ним ещё точно – никогда!..

– Уважаемая Мадина-бону! Ты что же – предлагаешь мне, Конану-киммерийцу...

– Ну да, о могучий и желанный воин из далёких северных стран! Мне нужно возродить мой народ и Город из тьмы небытия! А для этого, согласно заклинаниям, снимающим Проклятие, я должна зачать и родить ребёнка от... Живого мужчины!

– А ты сама... Не живая?! – волосы на затылке киммерийца зашевелились сами по себе, несмотря на всё его мужество. Одно дело – маги и чародеи! Противники-враги.

Другое – заколдованная женщина! Которая пусть и не хочет его смерти, но...

– Разумеется, нет, о Конан! Я – призрак! Да и как бы иначе я могла ожидать тебя все эти долгие, долгие годы?!

Киммериец сглотнул. Вот теперь он был абсолютно уверен – проклятый Норт не сможет увидеть его глазами женщины! Потому что женщина-то... Призрак!

А ещё на краешке сознания мелькнула мыслишка, что женщина эта – так выглядит, и столь желанна и соблазнительна как раз потому... Что он себе свой идеал возлюбленной именно так и представляет! И для другого – и она была бы другой!..

Он вдохнул поглубже:

– Знаешь что, уважаемая... э-э... Дух Мадины-бону. Прости, но я отказываюсь!

Будь ты – нормальная женщина, ну, как я привык – из плоти и крови! – я бы, пожалуй, помог бы тебе. И твоему Роду и Городу.

А вот заниматься *этим* – с привидением!.. Нет уж, благодарю покорно!

Да и плохая примета – спать с Призраком!

– А разве киммерийцы боятся Духов? Или верят в плохие приметы?! – теперь она обходила по кругу вокруг варвара, проводя маленьким изящным пальчиком по его могучей груди, плечам и спине, и кидая такие многообещающие взгляды, что восточным чаровницам и не снились! – Где же твоя хвалёная храбрость и мужская статья, воин?!

– Нет! Моя мужская статья... Привыкла к обычным женщинам – из плоти и крови! А не к бесплотным... – однако поглядев вниз, Конан заметил, что прикосновения и животные, возбуждающие флюиды, исходящие от этого великолепного, поистине божественно совершенного, вождя теленного тела, сделали всё, что надо. Он-то, может, и не готов

помочь женщине-принцессе.

А вот его большой друг – готов!

Но так Конан был не согласен. Поэтому попытался развернуться и просто убежать – не сражаться же ему в самом деле, с соблазнительницей, чтоб доказать, что он её не хочет! Он её хочет! Ну, местами... Но его *разум* не желает этого, этого...

Кошунства!

Ноги, однако, не послушались киммерийца.

Они словно приросли к месту! И как Конан не дёргался, с центра зала он сдвинуться уже не мог!

– Ах, вот как, храбрец из Киммерии! Мы не пугаемся чародеев и колдунов, драконов и волшебных монстров-страшилищ. Не боимся сотен обычных воинов. А тут – испугались одного маленького и к тому же – прекрасного Духа Женщины? – иронии в чарующе-медовом голосе не уловил бы только мозаичный пол, упорно не желающий отпускать ступни варвара! – Ну так я всё равно получу, что хочу!

– На Ложе его! – это было сказано куда-то за спину, приказным жестким тоном.

И сейчас же набежали (Откуда взялись?! Словно и не было их до этого!) гибкие и стройные, воздушно-невесомые девушки! Из одежды на них имелись только лёгкие газовые накидочки, обёрнутые вокруг бёдер. Но тела их вовсе не были бесплотны!

Хватка маленьких рученок на своих руках, ногах, и тор-

се, показалась Конану поистине – бульдожьей! Деловито и быстро его куда-то повлекли-понесли!

А куда же, как не на ложе?!

– Эй, эй! Прекратите это! Отпустите меня! Да чтоб вас!.. – он брыкался изо всех сил, – Я вам не каплун на вертеле! Ничего у вас не выйдет! – он повернул пышущее гневом и возмущением лицо к Принцессе, – Ещё ни одной женщине не удавалось изнасиловать киммерийца!!!

– А ничего. Всё когда-нибудь происходит в первый раз. Обещаю: тебе не будет больно! – Мадина-бону шла рядом, хитро-плотоядно оскалив в улыбке точёные остренькие зубки, блестящие, словно жемчужины.

И как киммериец не дёргался, как не сопротивлялся, напрягая все свои тренированные варварские мускулы, какими проклятьями не сыпал на головы девушек и их Госпожи, против лёгоньких женских ручек они оказались так же бессильны, как брызги волн полуденного штиля, пытающихся разбить гранитные утёсы берегов его родины!

Распятый на чёртовом (Довольно, кстати, удобном и мягком!) ложе, он рычал и плевался, когда Мадина-бону приблизилась, снимая ту немногочисленную условность, что заменяла ей одежду. При этом она обворожительно виляла и покачивала тем, чем нужно вилять и покачивать, чтоб ещё сильнее распалить в мужчине страсть, и весьма хищно улыбалась, словно собиралась не использовать его, а попросту – съесть!

Он, поняв, что все попытки освободиться и избежать унижительной «миссии» не удастся, затих – чтоб не дать ей насладиться триумфом. Но уж глядел на нее!..

– Не сердись, о Конан. Варвар из варваров, могучий воин. И не сопротивляйся тому, что предначертано *мне!* Это – мой Долг! Я не могу поступить по-другому. Именно этого ждёт от меня мой отец. И мой народ. И – обещаю! – ты останешься абсолютно...

Невредим!

Но чтоб скрасить тебе чувство... недовольства, (Назовём его так!) я могу сказать: ни одного другого мужчину, лучше подходящего для моей Цели, моей Миссии, я не знаю!

Так что для меня – честь стать твоей!

И я постараюсь, чтобы тебе было...

Как можно приятней!

Позже Конан вынужден был признать, что так... Приятно, ему, действительно, ещё никто не делал!..

И пусть его мужские достоинства на этот раз использовались несколько... необычно, к концу действия он со всей самозабвенностью отдавался порывам страсти, и того, что будила в нём эта неземная, но и столь вожделенно-обольстительная женщина-дух.

В глазах оседлавшей его партнёрши он видел всё: и преисподнюю бушующих страстей, и райское блаженство, и... Её радость!

Не столько от утех с ним, но – от выполненного Долга!

Конан знал, понимал, что его используют! Это было и уни-
зительно, и постыдно.

Но...

Разве можно и правда – отказать преданной своему наро-
ду Принцессы, и послушной дочери своего Отца, в её жела-
нии как можно лучше исполнить предначертанное ей Судь-
бой?.. Её «Долг»?!

Вот и он – не смог...

Утром он еле поднялся со своего ложа.

Все мышцы занемели, и во рту пересохло, словно не пил
трое суток! Но...

Но никакой крыши в соседнем зале не было! Как и ничьих
следов на песке на полу!

Сон!

Сон?! Но почему тогда всё тело болит, словно по нему
протопало стадо слонов?!

Ох...

Нужно уносить ноги, пока ещё во что-нибудь здесь, в Го-
роде Теней не вляпался!

Но по старой памяти искателя сокровищ он чисто автома-
тически обошёл ещё раз дворец правителя, и даже, не торо-
пясь, более тщательно, обыскал его руины.

Ну и ничего. Даже лестницы, обнаруженной за тронном
вчера – уже не было. Словно её и никогда не было!

Разумеется, найти хоть что-то интересное оказалось

невозможно – сколько поколений кочевников могло беспрепятственно растаскивать наследие, оставшееся от неизвестного народа... С другой стороны, найди он сейчас клад, потащил бы он его с собой?..

Вот то-то и оно!

В его суме – только необходимые для выживания вещи, и она – тяжёленька! Лишняя бесполезная тяжесть сейчас ему ни к чему. Хотя... Найди он что-то – уж не поленился бы перепрятать понадёжней! Оглядевшись на прощанье, Конан покинул дворец.

О не то – приснившемся, не то – действительно произошедшем, он вспоминал теперь с ощущением неловкости. А ещё – стыда и неудовлетворённости.

Теперь он и правда, не сможет сказать, что ещё ни одного киммерийца не изнасиловали. Да ещё как!..

И пусть он действительно получил море удовольствия, и ему было... Хм-м... да, приятно...

Но он предпочитал всё же быть сам – сверху! И быть при этом – свободным!

Так что он подумал, что вряд ли когда расскажет об этом приключении хоть кому-то. Будь то верные друзья-соратники по славным делам, или любимая женщина, или придворный летописец, желающий увековечить подвиги славного Короля Конана...

Однако маленький сувенир на память о мёртвом городе-призраке из пустыни ему всё же достался. Уже выйдя из

шикарных, когда-то отделанных изразцами, парадных ворот дворца, он оглянулся ещё раз.

Что это? На уровне его лица в одной из стен выпало несколько кирпичей, которыми похоже, когда-то была заложена маленькая ниша.

Он подошёл. Отбросил оставшиеся кирпичи – вернее, их труху.

Да, внутри что-то лежало.

Маленький полупрозрачный флакончик с туго притёртой пробкой. И в нём – какая-то тягучая зеленоватая жидкость. Как-то сразу Конану пришла в голову мысль о том, что это, возможно, эликсир, как-то связанный с магической защитой дворца – от врагов, от сглаза, от враждебной магии.

Интересно, сохранил ли он свои защитные свойства?.. Может, стоит взять его с собой? Ему сейчас не повредит никакая помощь. А эта вещица – может оказаться пополезней кольчуги и оружия.

Решено. Раз уж Кром (Или – ночная посетительница?!) послали ему эту склянку, то, разумеется, так тому и быть.

Завернув сосудик в лоскут материи, он спрятал свёрточек на дно сумы.

Город он покинул, больше не оглядываясь. Располагаться в таком месте на днёвку всё равно нельзя: ничто так не привлекает змей и скорпионов, как полуразвалившиеся глинобитные стены. Так что он спокойно отшагал до следующего места отдыха не меньше пяти миль.

Эта днёвка, как и следующая, прошла спокойно. Что, впрочем, как и всегда, не ослабило бдительности киммерийца: спал он чутко. Но кроме обычных звуков пустыни ничто больше не тревожило его сон и отдых.

Итак, на седьмой день пути через пески воды оставалось на три дня, и он ещё сократил и без того скупые глотки, которыми запивал пищу. Её, кстати, тоже оставалось не густо – не больше, чем на неделю. С вожделием облизываясь, он теперь почти с ностальгией вспоминал о печени динозавра, и обо всём разнообразии, пусть свирепой и клыкастой, но – дичи зачарованного леса. Монотонность и бесплодность песков утомила его даже больше, чем предыдущие бурные схватки. Всё же в лесу он не мог пожаловаться на... скуку.

А здесь...

Остаётся только вспоминать о волшебных видениях!

И радоваться, что действительно, ничто кроме его чувства собственного достоинства и гордости...

Не пострадало!

4. Посеявший ветер...

Сказка. Как бы.

Пролог.

Века не властны над её Величеством пустыней. Незыбле-

ма, простирается она от края до края огромного континента, и бесплодны все усилия людей остановить её неумолимое наступление на их крохотные обжитые оазисы.

Ночной ветер с тихим шорохом играет мириадами крохотных песчинок, заставляя их находиться в вечном, никогда не прекращающемся, движении. Изредка сюда, в самое сердце тысячелетнего безмолвия, донесётся крик охотящейся на тушканчиков неясности. Да ещё стрёкот немногих цикад возносится к безбрежному небу, равнодушно взирающему на море песка ярчайшими глазами восточных, волшебного мерцающих, звёзд.

Но раз в год, в глухой полночный час, когда солнце и звёзды выстраиваются в одно, строго определённое, положение, чей-то шёпот всё же нарушает девственное спокойствие самого безлюдного места в мире. И столько жёлчи, столько горечи в этом шёпоте, что скрючиваются, как от огня, веточки растущего поблизости саксаула! И падают наземь, словно пронзённые стрелами, редкие летучие мыши, попавшие туда, где ещё слышен шёпот, доносящийся из странного, никогда не засыпаемого песком колодца:

–... мальчик мой! Ты не вернёшь так к жизни убитых. И не утетишь опозоренных.

– Да, отец. Не верну. И не утешу. Зато я накажу виновных. И детей детей этих виновных. Пусть все живущие знают – никакое преступление не останется безнаказанным. Никогда. Месть – она не для мёртвых. Она – для живых. Моя

мечь – это предупреждение.

Тем, кто захочет сделать что-либо, подобное свершённому с нашим городом...

1. Хассан.

– Если всё сделаешь, как я сказал, денег вам хватит на несколько лет!

О, как часто ему приходилось напоминать себе об этих словах Магрибца!..

Потому что ощущение дикости, нереальности окружающего, и постоянное головокружение туманили мозг. Делали каждое движение словно замедленным: будто он продирается сквозь патоку. И тело, такое привычное, стало чужим: руки и ноги – будто не его. А чужака – растерянного и неловкого мальчишки...

Да и бесконечный спуск-подъём стал сильно раздражать. Каждый шаг вызывал всё более острое желание бросить всё к чертям собачьим, и вернуться.

Только вот идти обратно ничуть, уже, наверное, не ближе, чем вперёд!

Хассан до сих пор никак не мог приспособиться к тому, что ступню – он же видит! – нужно ставить на нижнюю ступеньку, а ощущения показывают, что он поднимается!

Стало гораздо трудней дышать: так бывало каждый раз, когда он ходил в горы, за хворостом. Одышка появлялась,

как объяснял усто Рахим, оттого, что выше, там, в бесконечном Небе, воздух становится всё тоньше, и, наконец, совсем уж высоко, истаивает полностью. И тогда даже днём становится видно звёзды...

Ну, в это-то Хассан не верил, потому что уж совсем бред. А вот в то, что воздух, словно действительно истончается, делая тяжкой работой дыхание, и превращая каждый вдох и шаг в подвиг – запросто! Потому что с каким-то надрывом вырывавшиеся изо рта хриплые вздохи не могли не пугать его – не старик же, как тот же усто Рахим!..

И, словно в довершение неприятностей, у него снова сводило судорогами мышцы икр, и колени тряслись, как будто опять таскал мешки с глиной для саманных кирпичей.

А ещё, вначале пугало, а сейчас уже только раздражало, что вокруг нет никаких звуков: словно голову обложили ватой! Невесомой, неосязаемой. Даже когда он специально топал, ощущение удара отдавалось лишь в ноге. А когда кричал что было сил в глубину бездонного провала за кромкой ступенек, казалось, что чувства не подводят: он кричит.

Но...

Но звук до ушей так и не долетал.

Нет, так не пойдёт. Он решительно скинул котомку, и присел на очередную ступеньку, ругаясь, про себя и вслух, и задыхаясь.

Смотреть вокруг смысла нет: лишь те же изжелта-коричневаты стены бесконечной трубы. Словно он двигается

внутри гигантского, чудовищного минарета. Только без окошек-бойниц.

Ступеньки – из чёрного камня. Похожего на драгоценный мрамор.

Как, и для чего они закреплены в стене из простого саманного кирпича-сырца, для Хассана являлось неразрешимой загадкой.

Но разве здесь, в мире заколдованного Города, не всё – такое же?!..

Лепёшки уже порядком зачерствели. А вот воды осталось... Четверть бурдюка.

И если так пойдёт и дальше – ну, то есть, если он будет так же напрягаться, «спускаясь», вся эта вода очень быстро выйдет из него в виде пота. Он и так уж пьёт на неизбежных привалах понемногу: скупые глоточки лишь чуть смачивают пересохшее нёбо, но не смывают толстый слой липкого густого налёта, покрывающего, кажется, всё горло и рот...

Нет, нужно идти помедленней! Спокойно. В одном темпе. Иначе, когда бурдюк опустеет, он окончательно обессилит.

А ему ещё возвращаться.

Съев предпоследние поллепешки, и запив тремя малюсенькими глоточками, Хассан с горечью посмотрел вниз.

Там клубился, то сгущаясь, то словно рассеиваясь, голубовато-малиновый туман – правда, очень прозрачный. Вроде того, что иногда возникает над землёй в сырое осеннее утро. Вот только не бывает здесь ни утра, ни ночи, ни дня.

Чёртова башня-перевёртыш и не думала кончатся: спиральный спуск тянулся, теряясь внизу, а светящийся разреженный воздух, давящим маревом окружавший место, где он присел, и не думал темнеть, как обычно бывает, когда спускаешься в колодец. Правда, вот ноги и спина показывают, что он не совсем спускается... Но Магрибец и предупредил, чтобы он не слишком-то доверял своим ощущениям по дороге: он просто должен дойти до Города. И взять там...

То, что нужно взять.

Всё же интересно: почему чёртов старикашка обратился именно к нему – сухопарому и дочерна загоревшему, похожему на кусок засохшего кизяка, озлобившемуся от тяжёлой и нудной работы, мальчишке? Ведь среди его сверстников есть и повыше, и покрепче... Или...

Или они не так сильно нуждались в деньгах?!

Не-е-ет, старикашка всё чётко рассчитал: он просто не мог отказаться!

Со стоном Хассан поднялся. Закинул суму на спину, пошевелил плечами. Ладно, нужно двигаться – от расслаживания да раздумывания толку уж точно не будет.

Поглядев вверх, он увидел чёрное пятно – в него теперь превратилось небо над колодцем-минаретом. Наверное, снаружи давно настала ночь. И, если честно – он думал, что даже не первая... А здесь – всё так же светло. Неизменно.

Колдовство!

Проклятый спуск играл с его разумом отвратительные

шутки: иногда ему казалось, что он провёл в пути добрый месяц. А иногда – что просто здесь и родился!

Вздыхнув глубже обычного, он поставил ступню на очередную ступеньку – вперёд! Дыхание почти успокоилось, и он старался теперь идти размеренно и неторопливо: совсем как ишак дяди Вахида, когда везёт арбу с горшками, касами и ляганами на базар.

Впрочем, думать и волноваться это Хассану не мешало. Вот только мысли всё время крутились вокруг лишь одного вопроса: и как это он согласился позволить втравить себя в такое... такое... Идиотское, и явно опасное, дело!

Но Магрибец так красочно описывал, сколько денег он заплатит...

Действительно: на еду-то точно – хватило бы на несколько лет. И маг даже дал часть авансом: Хассан смог купить матери лекарство! А ещё лука, моркови, хлопкового масла, муки, и полмешка риса: теперь дома хотя бы есть что кушать! Сама-то мать уже не встаёт, и может только руководить. Но Шахноза теперь кое-как справляется – и с тандыром, и с очагом, и с казаном... Значит, сможет хоть что-то простое приготовить. И накормить и мать и Ферузочку. Да и на базар за продуктами сходит.

Деньги он матери оставил всё. Ему-то они в пустыне...

Пот с лица теперь почти не тёк: он подобрал-таки такой ритм движения, что и шагал расчётливо, не напрягаясь, и дышал, почти не хрипя.

Жёлтая стена с торчащими кое-где соломинами, раскачиваясь в такт шагам, проплывала мимо, и он иногда опирался рукой, стараясь держаться подальше от краёв ступеней, обрывавшихся буквально в шаге от этой самой стены. Нет, трогал стену он вовсе не для того, чтобы убедиться в реальности происходящего, а для опоры: ноги всё так же предательски дрожали, и он опасался, что судорога снова сведёт в самый неподходящий момент слабоватую левую икру. И тогда он, споткнувшись, может даже упасть.

Туда – в бездонный пролёт.

Сколько всего кругов-спиралей он прошёл, поглядывая вперёд, и на стену, и методично шагая, Хасан не знал – сбился со счёта после восемнадцатого. А когда это было? Часы назад? Или, всё же – дни?! Действительность превратилась в чётко ощущаемые реальные вещи: стена слева. Под ногами – ступени. И уводящий в бесконечность, мерцающий неземным светом, круглый провал справа...

Да есть ли у него дно-то?!.. Или... Это просто хитрый способ отправить его на тот свет?! Хотя...

Для чего бы Магрибцу отправлять его на тот свет? Ведь, как легко вычислил Хассан по бегающим прищуренным глазкам и нервно дёргающемуся провалу беззубого рта, то, что находится там, внизу – для проклятого мага дороже жизни! Он, скорее, постарался бы всячески облегчить Хассану его задачу... Если б мог.

Да, тогда, в самом начале, провал вовсе не показался ему

страшным и глубоким.

Дырка в основании бархана не превышала в ширину нескольких шагов, и дно казалось так близко – вот, спрыгни-вай, и бери, что надо! Однако хорошо, что Магрибец предупредил его. От поспешных выводов и действий.

Он снова глянул вниз.

Ого! Или глаза его обманывают, или...

Или он, наконец, добрался! До дна! Или – вершины?

Э-э, Мардук его раздери, неважно: вон – впереди маячит окончание чёртовой лестницы, переходя в плоскую поверхность.

Но подойдя к ней, Хассан невольно притормозил: обалдеть!

Вот этот глубокий, и такой широкий по дну, что там за просто можно проехать на арбе, ров – не иначе, как вывернутая наизнанку защитная крепостная стена! И проход через неё – только там, где были Главные ворота.

Здесь и правда настоящий Город. Только вот... странный.

Потому что дома – тоже: словно вывернуты наизнанку. То есть, выглядят – как ямы в земле! А сами дома-то... Со всем как у них в Биркенте: по окраинам лепятся к крепостной стене мазанки бедняков, низкие (Вернее – неглубокие!) и сляпанные словно кое-как, да ещё с земляными крышами, поросшими выгоревшей сейчас, сухой и ломкой бледно-жёлтой травой. А подальше – видны ямы поглубже, и стены внутри даже обложены керамической глазированной, с

зелёно-голубым орнаментом, плиткой. А вон и совсем уж дворцы: огромные ямы, шагов ста в поперечнике, посередине ещё и с островком-двором...

И как всё это добро здесь помещается?!

Невольно сделав шаг назад, он огляделся ещё раз.

Точно! Шайтанский «минарет» ближе ко дну так расширился, что здесь и правда – легко поместиться большому Городу! А он-то, он-то... Проглядел, как спираль лестницы превратилась в круг поперечником в пару миль.

Ладно, Магрибец объяснил, где искать.

Он снова двинулся вперёд – туда, где между ямами-перевертышами шло нечто, похожее на кривую узкую улочку. Вот только пыль... А, ну да: он же идёт по изнанке дороги: пыль не поднимается, а наоборот! Словно взмётывает перевернутые фонтанчики... под подошвами. Но! Зато здесь она хоть пахнет!

И пахнет привычной пылью – а не так, как было в «минарете», где из всех запахов ощущались только едкий запах его пота, и заплесневелой воды в бурдюке...

Поскольку улица была – всего-то три шага в ширину, невольно он оказался вынужден заглядывать в провалы-дома по бокам. Бр-р-р!.. Жуть. Неужели тут кто-то жил?!

Но как же... Получилось *такое*?! Кто, какой сверхмогущественный маг, ифрит, или дэв, заколдовал этот несчастный Город? И... За какие грехи?!

Ямы-дворцы знати он осматривал уже с улицы пошире,

и даже мощённой камнем – вот только брусчатка торчала сейчас торцевой стороной наружу: идти оказалось страшно неудобно. Поэтому чтобы не «нырнуть» в какой-нибудь Дворец, он старался больше смотреть всё же не в них, а под ноги.

Но вот он и подошёл. В конце улицы – центральная площадь. И за ней – самая большая и глубокая яма. Дворец Султана. Его Цель.

Хассан осмотрелся. Да: нигде – никого. Вот только не нравится ему этот зловещий багрово-малиновый оттенок в пространстве над Городом – словно перед ним невероятно красочный закат... Или восход?

Э-э, неважно: идти всё равно надо!

Теперь во «Дворцы» он не заглядывал: привык, как к курам или воробьям – там, дома...

Главный Дворец, «высящийся» на добрую дюжину шагов в глубину посреди пустого пространства центральной, может, как и у них – базарной, площади, занимал в поперечнике не меньше двухсот шагов. Но как же в него...

Он двинулся вдоль широкой и глубокой канавы, очевидно дворцовой защитной «стены». О! Вот и ворота. Поколебавшись лишь миг, Хассан ступил внутрь.

Проклятье! Можно было догадаться! Теперь его развернула невидимая неумолимая сила, и он оказался ногами вверх!.. А, нет. Это он, оказывается, стоит на земле у привратного поста стражи. Вон – их секиры и копья торчат из открытой двери караульной.

Но где же сами люди?

Заглянув вовнутрь, он понял, что людей нет.

Ну и ладно. Ему это только на руку: вдруг бы стража вышвырнула его вон! Да и то сказать: а сам бы он не вышвырнул из этих шикарных, в позолоте и помпезной ганчевой резьбе, покоев, наглого оборванца с грязными ногами, и дочерна обгоревшим телом, виднеющимся через прорехи в ветхой рубахе? Да ещё с котомкой на плече. Ни дать – ни взять: попрошайка-нищий...

Опасливо оглядываясь, он двинулся в глубину – к парадным дверям из, кажется, чинары, (Великолепно подходит это дерево для резьбы – не скальвается, и от времени становится только прочней!) покрытым чудесной резьбой.

О, да! Уж эта-то резьба – явно для Правителей. Он однажды видел, какие колонны делал усто Шовкат для Визиря – (Даже – не Султана!) вот уж красота!.. Но тут...

Заставив пальцы, всё водившие и водящие по чудесным завиткам и впадинам орнамента, оторваться от полированного дерева, он толкнул двери. Те распахнулись.

Ещё зал. С нишами-альковами, в которых стоят столики-дастарханы и навалены матрацы-курпачи и пуфики из восхитительной, расшитой золотом, парчи. И занавеси-драпировки из бархата... Может, здесь заседал Диван – собрание умнейших чиновников-советников-помощников?

Следующие резные двери он прошёл уже не останавливаясь.

Ага – вот он, тронный зал!

О, Аллах! Какие ковры. И мозаики на полу. Лепнина карнизов...

А трон-то... Из чистого золота!

Тяжко вздохнув, (Богатство проняло до самого дна юного сердечка! Они с матерью иногда просто рыдали, не зная, чем накормить плакавших от голода младшеньких, а тут... Продай один такой ковёр ручной работы – и живи безбедно *всю оставшуюся жизнь!!!*) он опустил глаза. Вид рваного шлёпанца, откуда торчал большой палец, вновь вернул его память из глубин нищего и безрадостного детства. Вот потому, что он не хотел такого для Ферузочки и Шахнозы, и согласился на... Проклятый магрибец! Он точно – знал!

Пришлось, разжав сцепившиеся в побелевшие кулаки пальцы, тряхнуть головой, чтобы отогнать ненужные воспоминания. Бедный отец. Всю жизнь за гроши проработал водовозом, и погиб так глупо – под копытами коня какого-то гонца, спешившего доставить в такой же зал депешу от важного сановника. Или другого Султана.

Довольно!

Хассан смахнул выступившую некстати слезу с уголка глаза.

И шагнул туда, куда ему нужно было шагнуть. В потайную дверцу, скрытую за изысканно-роскошными тяжёлыми драпировками задней части трона. Она отворилась так же легко, как и остальные двери здесь.

Ух ты! А ведь по этой крутой и жутко узкой – как они здесь протискивались?! – спиральной лесенке, ему и правда приходится... Подниматься!

Ну, хоть что-то привычно – прямо как там в «обычном» мире... Не заколдованном.

Подниматься пришлось долго. (Хотя, конечно, не настолько, как в колодце-минарете!) Но вот он и на месте.

Маленькая комната, отделённая от лестницы очередной легко открывшейся дверью, роскошью не поражала. Скорее, наоборот – убожеством. Зато стены – как в крепости. Три узких окна-бойницы показывают, что толщина их здесь – три-четыре локтя. Н-да, неказисто. Для Дворца.

В центре комнаты столик. На нём – четыре предмета.

Первый – маленькая секира. Хм-м... Больше, даже, похожая на обычный топорик. Чёрная рукоять из дерева, словно отполированного мозолистыми руками. Впрочем, настоящему воину такая показалась бы просто детской игрушкой! Да разве может вещь в две ладони длиной служить и правда – оружием?!

Игрушка?

Хассан взял удобно улёгшуюся в узкую детскую ладонь рукоятку. Примерился: «Вах! Вах!» Удобно, да. Но – вряд ли опасно для врага. Особенно, если у того длинная сабля, кинжал, или копьё. Или – нормальная секира.

А что с лезвием?

Заточено, вроде, неплохо... Он на всякий случай легонько стукнул остриём по ножке стоящего рядом табурета. Там осталась глубокая засечка. Надо же...

Внезапно Хассан почувствовал кожей вспотевшего затылка, что за спиной что-то происходит!

Он стремительно рванулся вперёд, за столик, чтобы хоть он отгородил от этой, возникшей, когда он совсем и не ждал, опасности! Секирку автоматически перехватил обеими руками, оскалившись: какая-никакая – а защита!

Впрочем, вряд ли тут ему поможет не то что секирка, а и всё оружие Арсенала!

Бородатый и усатый сардор в мощной броне, со щитом в левой, и ятаганом в правой руке справился бы, наверное, и с лучшим воином из стражи самого Султана – роста в нём, пожалуй, под семь локтей! А уж тугие бугры мускулов под кожаными рукавами и штанинами перекатываются, что твои арбузы!.. Кольчужная рубаха, сапоги... Шлем с острым наверхиём и с кисточкой из чёрного конского волоса. Хассан сглотнул, сообразив, что воин отрезает его от единственного пути бегства – двери.

Однако сардор молчал, не двигаясь. И только чёрные щёлочки глаз сосредоточенно смотрели на мальчика. Хассан, выдохнув и снова втянув воздух, решился:

– Ты... Кто?

– Я – преданнейший и послушнейший слуга моего Господина!

– А... А кто твой господин?

– Мой Господин – ты, мой Господин! – голос, кстати, оказался приятным. Спокойным, с чувством неколебимой уверенности в себе, и собственного достоинства. Без напускной экзальтированно-истеричной преданности, как, бывало, он слышал, отвечали на смотре в родном городишке Султану его воины.

Но насчёт того, что он – Господин...

Ох! Д...мо! Мардук раздери! Чтобы достойно описать ситуацию, у Хассана и ругательств-то подходящих не нашлось.

Вот, значит, в чём дело. И вот за чем посылал его Магрибец!

Волшебно-неуязвимый и «преданнейший» воин! Да, такого бойца-защитника в наши суровые и продажные времена – поискать! Но...

Но неужели такой «слуга» только один?!

Хассан подошёл к табурету, ударил лезвием по ножке ещё раз.

Второй сардор ничем не отличался от первого – словно из ниоткуда возникший рядышком с первым, брат-близнец. В полном вооружении.

Хассан почувствовал, как в комнатке словно стало гораздо теснее.

Нет, ходить везде с двумя такими молодцами... Хоть и наполняет душу сознанием собственной значимости и силы, но... Не совсем удобно. Да и чем кормить воинов?!

– Вам нужны... Пища и вода?

– Нет, Господин! – ух ты! А чётко у них получается говорить хором – словно это отвечает один человек! Впрочем... Может, так и есть: за образец взят какой-то... прославленный герой. И с него будет сделано столько копий-двойников, сколько раз он ударит секиркой по... любому предмету! – Мы не нуждаемся в пище, воде или отдыхе!

Ага. Отлично. В смысле, *теперь* ему точно понятно, что собирался сделать Магрибец.

Просто-напросто нашлепуть, словно тех же саманных кирпичей, могучих воинов – целую армию! – да завоевать Белуджистан. А то – и весь Мир!..

А что: *таких* вряд ли что, или кто, остановит... Воины они наверняка могучие, умелые, бесстрашные. И бессмертные – раз не едят и не пьют. И наделать их легко.

Он посмотрел на секирку, всё ещё судорожно зажатую в руке. Надо же... А может, ну его на фиг, этого мага, и стоит продать такую замечательную вещь Султану Аббасу?

Вот тот обрадуется! И денег, наверное, насыплет полную шапку...

Или, скорее, бросит в зиндан. Или просто – велит отрубить голову. Чтобы никто не узнал, откуда такая замечательная вещь появилась у Султана. Которому ничто теперь не помешает захватить весь Мир. Вот уж Империя была бы – от края до края земли!..

Нет, никакому Султану он *это* не отдаст. Он лучше ещё

подумает: может, имеет смысл оставить такую замечательную игрушку... себе?

Потому что нечасто его до этого называли «Господином».

Вернее – никогда! А это приятно, оказывается...

Может, тогда – и остальные... игрушки...

Себе?!

– Где вы... Жили всё это время? То есть, где вы ждали, пока я не... Позвал вас?

– В Меринге, Господин.

Не сильно-то проясняет. Хм-м... Ладно, попробуем с другого конца:

– Как мне... снова отправить вас туда, чтоб ещё немного подождать?

– Стукните теперь рукоятью, Господин!

Рукоятью Хассан стучал прямо о столешницу – мало ли!..

Но оба воина мгновенно растаяли – быстрее, чем монета в кармане голодного!

Хассан выдохнул. Только сейчас обнаружил, что ноги трясутся ещё сильнее, чем даже после нисхождения по «башне-минарету». Вот уж – страшно! Хотя, если честно, по-настоящему он испугался только сейчас, когда сардоры исчезли. Ф-фу...

Секирку он бережно положил на место, а взял следующий предмет: небольшой чайник. Медный. По виду – вполне обычный.

Вот только вряд ли он обычный, раз стоит здесь...

Интересно, что делает *эта* вещь? В том, что она тоже волшебная, Хассан уже не сомневался.

Попытка постучать боком чайника по ножке табурета ничего не дала. Как и дном – по сиденью. Хассан ногой подвинул табурет поближе к столику и сел. Хватит стоять, когда можно сидеть – слишком много волнений для его юного духа. И работы – для тела. Да и подумать нужно как следует. А не впопыхах...

Если это – чайник, наверное, нужно как-то исходить из того, что внутри что-то надо заливать: хотя бы ту же воду. Или... Или из чайника что-то будет выливаться. Полезное. Или вкусное. Или... Хм-м... Да, задачка.

Он поставил чайник обратно на столик. Снял медную крышку, положил рядом. Осторожно заглянул.

Ну и ничего. В-смысле, ничего интересного внутри не нашлось: тусклые, более тёмные, чем снаружи, но, несомненно, медные, бока. Точно такая же крышка. Ни из чайника, ни от крышки ничем, кроме меди, не пахло.

А может, попробовать налить внутрь воды?

Он так и сделал, пожертвовав немного оставшейся в бурдюке, и уже сильно пахнущей плесенью.

Дэв!.. Ничего не произошло. Вода стояла на дне чайника, совершенно не изменившись. Она и пахла точно так же, как в бурдюке – он невольно сморщил нос. Вот если бы она превратилась в ароматный зелёный чай... Или даже абрикосовый шербет... Нет, чай ему сейчас был бы полезней – он от-

лично снимает усталость, и утоляет жажду.

– Чайник! Будь добр, сделай мне зелёного чаю! – он криво усмехнулся, ужасно сожалея, что не знает, как обращаться с попавшим ему в руки добром.

Из чайника пошёл пар. И запах. Да, ароматный дух распространился по комнатке! Неужели...

Он заглянул внутрь.

Точно!

Такого прозрачного и душистого зелёного чая он, кажется, не видал даже в караван-сараяе у Дирхем-оглы!.. Вот уж чудо!

Хассан взял пиалу, стоявшую сбоку. Вытер пыль из неё прямо полый рубахи. Налил. Подул. Немного подождал. И выпил.

О-о-о! Божественно! А как восстанавливает силы! Ноги уже – не трясутся. И взгляд словно прояснился – даже мельчайшие трещинки на стене стало видно!

Он заглянул внутрь чайника. Жидкости не уменьшилось ни на кончик ногтя. Значит – она появляется откуда-то сама! И будет так и появляться, сколько бы он ни отлил! А откуда всё же берётся этот чай?

Э-э, неважно. Пусть хоть из той же «Меринги»!.. Главное – напиток просто восхитителен!

Он долил себе ещё полпиалы, понюхал. Отпил. Хорошо! Он чувал, как блаженная улыбка расплывается по чумазому лицу, словно круги от брошенного в воду камня... Ах, какая

жалость, что он не может сейчас дать попробовать матери, и сестрёнкам!

Это что же получается – можно носить такой чайник с собой, и больше не беспокоиться о том, что в бурдюке булькают последние остатки: воды в чайнике не убудет! А ещё похоже, что налить и пожелать сохраняться можно любой жидкости: воде, вину, молоку, маслу... Если – маслу, или вину, то можно сделать неплохие деньги. На базаре. Но...

Как же убирать жидкость изнутри? Ведь не понесёшь с собой протекающий и булькающий предмет? Да и намочит такой всё, что есть в котомке.

Он вспомнил о секирке. Не-е-т, тут обратным концом не постучишь. А если...

– Чайник! Спасибо. Но сейчас мне больше ничего не надо!

Заглянув внутрь, он убедился, что угадал. Бока снова круглились тусклыми поверхностями, и ни следа жидкости не осталось.

Он ощутил горячую благодарность к неизвестным создателям этого чуда, позаботившимся о путниках, и вообще – всех жаждущих. Погладил чайник по крутому боку. Вздохнул. И перевёл взгляд на третий предмет, лежащий чуть подальше.

Гребень для волос. Похоже, костяной. Без изящной резьбы или причудливых завитушек, какие делали и продавали мастера-усто у них на базаре. Совершенно белый. Очень редкие толстые зубья. Странно.

Вроде, с армией сардаров из Меринги можно завоевать весь мир, а из чайника напоить хоть целый город, но...

Но зачем покорителю Мира – гребень для волос?

А, может, этот гребень – не для волос? Тогда – для чего?!

Хм-м... А может, с его помощью можно восстанавливать выпавшие к старости волосы?! Делать их гуще, пышней? Или... Перекрашивать их? Может, попробовать? Но у него нет зеркала – всё равно ничего не будет видно!

Он всё же провёл гребнем по волосам – осторожно, а затем и сильнее нажимая.

Ну и ничего.

А вот раньше, когда была жива бабушка Роббия... Уж она-то внучку-первенцу кудри расчёсывала с любовью... И пела – старинные напевные сказки, песни, загадки. Сердце сдавило – где вы, *почти* беззаботные детские годы... Ах, бабушка!..

Он вздрогнул.

Голос бабушки! И это – её заботливая рука перехватила из ослабшей вдруг и невольно разжавшейся ладони, гребень!!!

И ему вновь поют ту, древнюю, запавшую до самого дна души, сказку о Волшебной Лампе Аладдина!

Осторожно скосив глаза, Хассан заметил и старое платье, и афганки, и выгоревший пояс с расшивкой бисером. Он судорожно сжал зубы – чуть было не закричал со страху!

Ноги опять задрожали. Да что же это!..

Медленно он встал. Повернулся.

Да, всё верно! Эти искрящиеся любовью блёкло-зелёные глаза в окружении глубоких морщинок не перепутать ни с чьими больше! Бабушка! Он было сделал движение – кинуться на грудь, разрыдаться, обнять сухонькую и ставшую теперь ниже его, фигуру...

Но остановил себя на полпути.

Это – не бабушка!

Это – образ, созданный по его воспоминаниям чёртовым Гребнем!

И – созданный только потому, что он о бабушке подумал. А если бы он подумал о соседской девчужке Гюзель, и провёл гребнем по волосам, можно не сомневаться: Гюзель бы и возникла. И похихикивала, искоса поглядывая влажными глазами дикой серны, ничуть не менее загадочно, чем настоящая!

Он невольно отступил на шаг.

«Бабушка» между тем стояла напротив, так и не сводя с него любящих глаз. Вот только петь перестала.

О, Аллах! Какое искушение!

Он отлично понимал, что будь он взрослым... И захоти воскресить давно ушедших любимых людей – будь то мать, или возлюбленная, или брат, отец... Да кто угодно! – он вряд ли удержался бы от соблазна оставить такой фантом жить.

И рано или поздно – спятил бы!

Потому что нельзя жить прошлым!

Всему Биркенту известно, что случилось с муллой Саидак-

малем, когда ему во сне стал слишком часто являться наставник-учитель. И «говорить» с ним.

Тело Саидакмаля потом еле отшкребли с брусчатки под минаретом.

Но...

Может, можно преобразить *вот это* в любой другой образ? Красивой девушки? Женщины? Или...

Он провёл гребнем, оставшимся в руке, по волосам, постаравшись как можно более чётко представить Назокат, первую жену Мехмет-бека. Богатого соседа.

Ох.

О, Аллах!.. Да, красавица. Какие... формы (Видел женщину без чадры и одежды всего один раз – когда та купалась в бассейне внутреннего двора вельможи, а он нагло подглядывал с крыши своей мазанки, поросшей травой. За стеблями которой и прятался.). Он почувствовал, что, как и тогда, краска густо залила уши и лицо. А женщина, словно специально, чтоб сильней помучить его, извивалась, и намыливалась как-то особенно...

Впрочем – почему – словно?! Женщины всегда чувствуют как-то чутьём, инстинктом, когда за ними наблюдают. Мужчины. И уж стараются!..

И вот она – снова перед ним. Абсолютно, как и тогда, нагая. И невероятно, божественно, прекрасная!!!

Он сглотнул. Надо что-то срочно делать – иначе его реакция станет заметна через тонкие шальвары! Но...

Зачем ему *что-то* делать?!

Ведь женщина – не настоящая. И она наверняка – его раба! И не станет сопротивляться и протестовать, что бы он ни приказал... Сделать!

Эта мысль сразу отрезвила, и заставила опуститься то, что напряглось было...

Хочет ли он сейчас что-то делать? С этой, этой...

Гм-м-м...

Н-да. Вот уж задачка.

Он стукнул гребнем о столик. Мысленно пожелал – чтоб женщина исчезла.

Она и исчезла, всё ещё загадочно-призывно показав в обворожительной улыбке жемчужинки мелких ровных зубов – совсем как тогда, у бассейна, когда несмотря на полумрак, рассеиваемый лишь луной, серебрившей грациозное стройное тело, придавая воистину неземное, маняще-загадочное очарование, конечно же, учуяла его присутствие!

Но захотела расчётливо-изощрённо поиграть с чувствами и вожделениями юного *мужчины!*..

Хассан, сам не заметивший, как снова сжались до скрипа челюсти, нахмурились брови и сжались кулаки, приказал телу расслабиться. Не так-то легко оказалось это сделать!

Особенно в отношении напрягшейся до состояния натянутой струны врождённой осторожности – сколько раз она спасала и выручала, не давала попасть впросак!

А ведь обилие возможностей и осознание своего исклю-

чительного положения – *страшное* искушение!

Но отдать всё *это* Магрибцу – не менее страшная... Глу-
пость!

Он снова сел. Положил гребень на место.

Отстранённым взором долго смотрел на последний из
предметов, оставшийся «неиспробованным» – золотую ко-
рону Султана...

2. Великий Султан.

Иброхим выпрямился и отёр пот со лба. Наконец-то!

Чёртово солнце – сегодня печёт как-то особенно сильно!

Но он закончил-таки проклятое Государственное поле. И
даже самый придирчивый проверяющий не придерётся.

– «И охота тебе горбатиться, словно ишак! Делал бы по-
быстрей да пахал помельче, как Юлдаш-ака – вон, небось,
его никогда не заставляют перепахивать!» – как вечно вор-
чит ничего не понимающая в этом деле жена.

Дура.

Потому что «перепахивать» старика не заставляют лишь
потому, что когда выясняется, что пропахано на недостаточ-
ную глубину, Юлдаш-аке в наказание просто дают другое,
новое, поле!.. И потеря времени и сил ещё больше.

Приподняв отполированный до блеска лемех плуга, Ибро-
хим осторожно постучал им о землю. Звенит отлично. Зна-
чит, цел. Порядок. Можно сдать на склад Султана. Или –

Повелителя Вселенной, Украшения Мира, Властителя дум и свершений, Великолепного и Великого Султана Хассана Первого. Милостию Аллаха управляющего твёрдой рукой Султанатом, раскинувшимся от жарких пустынь Африки до непроходимых болот северной тундры, и – от Гибралтара – до побережья Страны Восходящего Солнца.

Кошунственная мысль опять больно кольнула: всего тридцать лет назад, когда Иброхим был лишь восторженным сопляком, опасливо глядевшим на мир из-за плеча старшего брата, это надутое сейчас чванливо-расфуфыренное «Величество» не стеснялось показать себя народу на базарной площади Столицы: показать, что является просто молодым парнем, волею судеб заполучившим корону старинного города-государства...

А позже наглухо затворившееся за надстроенными стенами Дворца, окружив себя тройным кольцом стражников-телохранителей, и живущего в этом огромном Дворце практически в одиночку... И лишь изредка провозглашающее Торжественный Приём: в честь праздников, или – для Послов, избранной наследной Знати, и управляющих от его имени Султанатом, высших Чиновников.

Нет, в те далёкие, первые, дни воцарения, народу в столице даже раздавали подарки – лепёшки из пшеничного (!) хлеба, рубахи из хлопка, на всех перекрёстках стояли бочки с вином, из которых можно было черпать прямо пиалами: пей, сколько сможешь отпить! Потому что многочисленные

помощники Государственного виночерпия уже развозят арбы с полными бочками взамен пустых.

Жизнь казалась прекрасной и многообещающей.

Потому что Войско Султана непрерывно расширяло границы царства, завоёвывая всё новые и новые богатейшие земли. И оттуда свозились в Столицу несметные сокровища – в виде дани, или военной добычи... А туда устремлялась безземельная беднота: получить, наконец, обещанный пожизненный надел!

Осесть на нём, на *своей* земле! Работать и кормить: вначале себя, а потом и семью, когда удастся накопить на калым за хотя бы первую жену. Насадить виноградники, огороды, шелковицу, абрикосы, персики, инжир, хурму...

Чтобы отдыхать на старости лет, наслаждаясь устроенностью детей и внуков, и покоем и достатком под успокоительный шелест листвы раскидистых деревьев!

Иброхим распряг волов, и повёл их в тень шелковичного дерева: пусть пока постоят. Он должен собрать свои нехитрые пожитки, и доест оставшиеся поллепешки. Ржаной.

– «И никогда-то на тебя не напасёшься! Работаешь за двоих, а уж ешь – за пятерых!» – как, раздражённо морщась, говорит теперь его постаревшая и насквозь циничная, озлобленная тяготами быта, первая и единственная жена. Которую зовут Малика. Принцесса с древне-фарсидского... Только вот судьба всех этих Шахинь, Султанат, Царевен и прочих девчушек, как стало модно называть их в момент начала

правления Хассана – (Тогда – не Первого, а просто – Хассана!) куда как безотраднa! Работа до седьмого пота и дети – вот и всё, что осталось от необоснованно радужных надежд.

Да, восторги и оптимизм у народа прошли быстро – на третий год правления.

Когда ввели новые налоги: на торговые сделки, на пользование водой и воздухом Великого Султаната. Таможенные пошлины. Налоги на строительство даже жалкой мазанки. А затем – и на жён, и на скотину. И даже на кур.

Сидя в тени, Иброхим думал. Почему никого не берут в Армию Султана? Неужели великий Хассан может сам «рожать», или как-то делать, всех этих воинов – рослых и неутомимых, как на подбор, и готовых слепо выполнять все, даже идиотские, приказы, наплевав на получаемый результат, или потери? Как случилось, например, с саранчой, напавшей на посевы и виноградники африканской колонии.

Саранчу тогда, конечно, истребили... Но никто не сказал сардорам, для чего уничтожается саранча. А ведь уничтожалась она только чтобы *спасти* все эти посевы и лозы!

Вот и оказались посевы – вытоптаны, а лозы – разбиты в мелкое крошево вместе с миллионами раздавленных сапогами и разрезанных секирами и саблями, насекомых!

Иброхим доел хлеб, аккуратно собрал крошечки, и высыпал горлинкам, терпеливо поджидавшим тут же, буквально в шаге. Вот уж незлобивые и мирные птички.

Своим гугуканьем напоминающие о том, что хоть *кто-то*

живёт без правителей...

Он увязал в мешок свой нехитрый скарб.

Работа заняла шесть дней. Причём само поле Иброхима заняло лишь полдня. А остальное – отработка для «Величайшего»!

А отец говорил, что на прежнего Султана работали два дня. И один – на своём поле. Которое могло прокормить семью с даже пятью детьми... А сейчас – только-только хватает себе, жене и сыну.

Сын.

Иброхим с содроганием думал, как же сын сможет накопить на Калым – хотя бы на одну-единственную жену! Ведь теперь, когда зерна еле-еле хватает на еду, продать излишки невозможно! Он слышал, что и виноделы, и те, кто выращивают эту, новую, культуру – репу – и многие, многие другие дехкане, занимающиеся из поколения в поколение чем-то одним, вроде хлопка, – в таком же положении! А уж про то, что всех ремесленников – медников, горшечников, ткачей, столяров, портных – обложили налогами и «отработками» точно так же, можно и не говорить... Поэтому и товары и продукты на базарах теперь стоят в несколько раз дороже. И пылятся на полках лавок.

У людей нет денег.

Начальник склада лемех плуга осмотрел тщательно. Но ни слова не сказал – уже счастье! А то пришлось бы платить штраф. За порчу казённого имущества.

Иброхим поставил крестик в соответствующей графе ведомости, и приложил палец, предварительно обмакнутый в чернильницу. Затем пришлось тащиться снова на поле, и идя рядом с Проверяющим, смотреть, как тот тычет казённым щупом в распаханную землю... А не смотреть – так тот может и нарочно сказать, что «щуп не входит до положенной метки!». И – всё. Начинать заново! Ничего никому не докажешь...

Только через час они вернулись в склад.

Клерк-чиновник кивнул начальнику склада, тот хмуро буркнул:

– До уборки – свободен. О дне начала тебе сообщат.

Иброхим, трижды поклонившись, вышел, пятясь задом.

Вспомнил, что надо ещё зайти в лавку – купить воды у другого чиновника. Подходить к арыкам и хаусам запрещено под страхом смерти...

Он закинул мешок повыше на плечо. Потащился, с тоской вспоминая, как питал глупые надежды на улучшение жизни простого труженика – «кормильца» Великого Султаната – с воцарением подростка, про которого ходили слухи, что тот и сам происходит из самых низов простого народа. И который должен (вроде бы!) понимать, чей ежедневный упорный и добросовестный труд кормит всю страну. И разделять чаяния и заботы.

Надежды не оправдались. Похоже, или слухи оказались ложными, или...

Или новый Султан предпочёл как можно быстрее позабыть о своих унижительно плебейских корнях!

Носыр-бек задумчиво огладил аккуратно подбритую холёную бородку волосатыми толстенькими пальчиками в перстнях.

Но те сами вернулись к чёткам из сандаловых бусин: когда они перебирают полированное, и словно тёплое изнутри, дерево, ему думается лучше! И хотя он, вроде, немаленький человек – Второй Помощник Казначея! – чётки предпочитал дедовские. Простые.

Да, подумать есть над чем...

Дьявольщина! Служить-то «Величайшему» становится всё трудней! Особенно под старость.

Аппетиты у «Светоча Вселенной» и «Потрясателя Мироздания» всё растут!

А, казалось бы – чего злобствовать-то?!

Султанат раскинулся на весь континент, с провинциями которого теперь установлена надёжнейшая связь. Гарнизоны для подавления бунтов и мятежей стоят в каждом крупном городе. Да и не случается сейчас никаких мятежей, как бывало в самом начале Завоевания – двадцать с лишним лет назад. Все покорённые, что верные, что неверные, (Которых принудительно уже сделали верными, заставив принять Ислам!) давно поняли: шансов победить Армию бессмертных сардоров – попросту НЕТ!!!

И нужно просто подставить шею под ярмо, и... Терпеть!
И платить.

Налоги... Их поступило столько, что его прямой начальник, Казначей, срочно строит ещё два (!) подземных Хранилища, и бетон замешивают триста чёрных рабов-гигантов из Африки...

Женщины Повелителю доступны любые. Жёлтые, чёрные, красные, белые... Высокие, низкие, толстые, или тоненькие, как стебель камыша... Вот только...

Да, разумеется, женщин для Повелителя Вселенной свозят со всех концов этой самой Вселенной. Торжественно «вручают» – как часть дани от покорнейших, вернейших, преданнейших рабов – наместников Провинций. А затем...

Затем Повелитель внимательно женщин рассматривает, и... Отправляет в Сераль.

Чтобы больше никогда не вызвать! А те, первые, «осчастливленные» личной милостью и вниманием, постоянно грызутся: кого из сотни отпрысков мужского пола считать официальным наследником. А кого – вторым. А Султан не торопится вносить ясность в этот вопрос: законных супруг пред ясны очи не допускает уже многие, многие годы.

Вспомнив визгливо-драчливые разборки в *своём* Гареме, Носыр-бек передёрнул плечами.

Хоть в этом пункте он солидарен с Султаном: если можешь чего-то неприятного и назойливого избежать – почему бы этого и не сделать? А что там скажут или подумают окру-

жающие – плевать с высокого минарета: на то он и Властитель дум и сердец. Чтоб не беспокоиться об этом.

Так чего ж ещё ему – вот уж воистину Великому Султану, над Империей которого никогда не заходит солнце! – надо?!

Носыр-бек поёрзал, стараясь поудобней устроить морщинистый под старость зад на курпачах. Прикрыл глаза. Губы принялись истово бормотать молитву.

Ни черта это «прийти в себя» не помогло!

Раздражение от продолжавшегося, вопреки всем покушениям, правления, нарастало. И – не у него одного. Но про-
завить его!.. Уши растут буквально из каждой стены!

Вывел его из состояния озлобленной самоуглублённости, звук – вроде осторожного покашливания. Открыв глаза, он обнаружил склонившегося в почтительнейшем поклоне, мажордома.

– Ну, что там у тебя?

– Позвольте доложить, Господин! Прибыл паланкин с Сероджиддином-акой. Он спрашивает, угодно ли почтенному Носыр-беку принять его? Вы сами в тот раз приказали докладывать сразу, чтобы почтеннейший бек не ждал!

Точно. Он приказал. Да и не годится заставлять ждать чиновника, что выше его по рангу... Неуважение!

– Проси! – Мажордом упятился.

Капельдинер торжественно доложил, отойдя чуть в сторону от резных дверей:

– Первый советник Помощника Визиря, его мудрейше-

ство, ага Сероджиддин-бек!

Пришлось подняться, просеменить на слегка затёкших от долгого сидения трясущихся ногах к дверям, и приветствовать чёртова «агу» похлопываниями по спине, обоюдными объятиями с еле ощутимыми касаниями тел (Или, правильной – роскошных халатов!) друг друга, и бормотанием:

– Ассалям-алайкому, Сероджиддин-бек! Надеюсь, у вас всё хорошо? Как дома? Как старший сын Рахмон? Как младший сын Рохим? Как ваш брат Нурмумин, как его сын Умид? Как... – перечисление поимённо ближайших родственников – обязательно! Попробуй тут кого-то пропустить, забыть, или расставить не в том порядке... Смертельное оскорбление! Вызов!..

Получив уверения, что всех родных хранит своей милостью Аллах, и уверив гостя, что и у его родичей и у него самого всё в порядке, Носыр-бек смог, наконец, провести уважаемого вельможу на возвышение в дальнем углу комнаты для приёмов, и усадить за низенький дастархан. После чего сел и сам, снова сложив ноги по-индийски.

После хлопка в ладоши на дастархане, застланном чудесной, расшитой искуснейшими златошвеями, скатертью, словно по волшебству возник свежезаваренный чайник, выпускающий пар и приятный запах, свежие белые лепёшки – патыр – и ляган с фруктами: виноградом, хурмой, инжиром и грушами. Носыр-бек велел всегда на всякий случай класть ещё и банан с финиками, хотя до сих пор ни один из его

«уважаемых» гостей ни до чего так и не дотронулся.

Знатные люди приходили «в гости» вовсе не для того, чтобы кушать – это можно спокойно и удобно, и не боясь за свою жизнь, делать и дома!

Поэтому вторым хлопком Носыр-бек «запустил» «развлекательно-успокаивающую– взор-и-сердце» программу: в комнату протиснулись бочком три музыканта с инструментами, и легко, словно серны, вбежали на цыпочках грациозно-воздушные танцовщицы. Это впечатление усиливало и то, что кроме лёгких и почти абсолютно прозрачных шаль-вар с бубенцами, и газовых накидочек, на них ничего не было.

Впрочем, Носыр-бек и сам на их эротично-зажигательное выступление не смотрел, и за Сероджеджином-акой не заметил хотя бы одного взора, брошенного в том направлении во всё время разговора. Похоже, уважаемому гостю не до развлечений!

И точно.

После уважительнейших пожеланий, чтоб Дом, родных и близких мудрейшего гостя хранили небеса, и дни жизни Аллах продлил на многие годы, Носыр-бек приготовился слушать: даже вперёд чуть подался, широко открыв глаза. Что, кстати, случилось с ним нечасто. Гость ответил на пожелание не столь цветисто и пространно:

– Да хранит Аллах милостивый и милосердный и ваш дом и ваших родных, близких, и друзей во веки веков, почтенный Носыр-бек! У меня к вам дело.

Ага. Дело. Носыр-бек мысленно насторожился: ещё в прошлый приход, в том месяце, ему показалось, что недомолвками и хождением вокруг да около почтеннейший Первый Советник прощупывает почву, словно ищет... Союзника. Ну, или – соучастника.

Да оно было бы и неудивительно: только в последние годы раскрыто двадцать заговоров. Потому что уж слишком отошёл от привычных канонов, заветов Предков, и обычаев – как руководства Империей, так и личной жизни, их Повелитель!

Некоторых почтеннейших представителей Высшей знати не то, что отправляли в ссылку – управлять отдалённейшими Провинциями, как случалось лет десять назад – а и просто: рубили головы. Причём – всему клану-семье! Без всякого повода! (Потому что взгляды исподлобья, взгляды хмурые, или даже просто – не поднятие глаз на «лучезарнейшего», достаточным поводом не считал ни один предыдущий Султан!)

Однако вслух Носыр-бек сказал:

– О почтеннейший Сероджиддин-бек! Вы же знаете о моём безмерном уважении к вам! И если я хоть в чём-то, – он показал кончик ногтя, – могу помочь вам – все мои родные и я – целиком в вашем распоряжении!

– Да, я знаю... – с лица его гостя вдруг словно спала прилепленная на века маска благодушия, и Носыр-бек обнаружил, что лицо гостя побледнело и покрылось морщинами.

Потому что тот стиснул челюсти, и сощурил глаза. Впрочем, когда он снова заговорил, тон оставался спокойным, несмотря на страшное содержание отрывисто бросаемых полушёпотом фраз:

– Поэтому я и пришёл к вам. Только оставим все эти красоты и недомолвки! Прежде чем продолжить беседу, я хочу знать одно: вы, уважаемый, рады, что сейчас нами, знатнейшими и древнейшими Родами, правит... Злобный, и слишком много себе позволяющий босяк и проходимец?!

Колебался Носыр-бек не больше доли секунды.

Сейчас или никогда! Похоже, у Высокого Чиновника накалило! Или... Его собираются отстранить от Кормушки? Поймали на косом взгляде? Неважно: главное пока – дать гостю выговориться! А дальше – он уж сможет решить, что делать с тем, что ему сейчас сообщат. Конфиденциально. Он пригнул голову ещё ближе к лицу гостя.

Чтобы вызвать того на откровенность – нужно «подыграть»! Причём – умело.

Он дёрнул щекой – словно от прорвавшейся злости. Стиснул что было сил кулаки и тоже сузил глаза:

– Сероджиддин-бек! Вы *отлично* знаете о моих чувствах по этому вопросу. Открою карты: откровенность за откровенность! Я ненавижу «султана» Хассана так, как до сих пор не ненавидел никого! Этот грязный плебей, этот выскочка! Эта... эта... Мразь – заслуживает только одного: четвертования! Но...

Не в нашей, к сожалению, власти, разделаться с ним. И посадить на Трон достойнейшего, из нашей, родовой, Знати!

– Но почему же – не в нашей?!.. Вы же не думаете, что и в самом деле – *его* тело – неуязвимо?! Неуязвимы только его охранники – чтоб их забрал Мардук! – а сам он – обычный человек! Нам нужно всего лишь убить его!

– «Всего лишь» – убить?! – Носыр-бека и вправду перекосило. Вот уж если он и преувеличил степень своей ненависти, (А правильной сказать – зависти! Что не оказался сам в нужном месте в нужное время!) то – лишь самую малость! – Всего лишь – убить?! Почтеннейший! Не мне вам напоминать, что три раза в него стреляли из лука, шесть раз пытались отравить, один раз давали зелье его лошади, чтоб спятила и понесла, и ещё три попытки были с кинжалами и отравленной иглой... Про трёх наложниц с отравой в... Ну, там, где они бы наверняка... Я промолчу! И – что?!

– Полностью согласен с вами. Задача сложна. Очень. Но – *не* невыполнима!

Мы-то знаем, почему сорвались те покушения! И можем сделать выводы!

Нам нужен совершенно *особый*, надёжный, и такой, чтоб нас не раскрыли раньше времени, способ! Причём он должен быть настолько изошрённым, чтоб даже «его Султанское Величество» ничего не подозревало до того момента, пока не сдохнет! И – главное! – чтоб о нём знали лишь вы да я. Потому что где третий – там предатель!

Интерес Носыр-бека... Остался пока высоким. Хотя накал страсти спал.

Насчёт третьего соучастника – безусловно верно, но...

Новый Способ? Это интересно, конечно... Хотя...

Вряд ли исполнимо: всё, что бы ни придумал чёртов Сероджиддин-бек, способен предвидеть и Правитель! Ведь, что бы ни говорили, чутьё и ум у него развиты так, как ни у одного Султана до него! И, может, так происходит именно благодаря... Плебейскому происхождению! Обостряющему чувство собственной уязвимости, и заставляющего изощрённый разум думать – лучше, а мер для сохранения своей персоны принимать – больше!

– Я весь внимание, почтеннейший Сероджиддин-бек! Умоляю – продолжайте!

– Хорошо. Слушайте же главное. Мы... Вернее – я. Придумал способ. До сих пор никто ещё не додумался до такого! И, самое главное – у меня есть нужный человек!

Носыр-бек выслушал обычные в таких случаях восхваления достоинствам и способностям тайно доставленного в Столицу в ящике под арбой с сеном для Султанских конюшен, Магрибского мага (очередного прохиндея, как он почему-то сразу подумал!), и тяжко вздохнул. (Про себя!) Вслух же сказал:

– Удивляюсь я вам, почтеннейший. Ладно, предположим, этот маг даже настолько могуч, что действительно делает все те чудеса, которые вы столь красочно описали. Вот только

одного я никак не пойму: *как* он сможет помочь нам убить мерзавца, если не сможет приблизиться к нему больше, чем на полёт стрелы? Ближе-то его Величество подпускает только нас, придворную знать. Предварительно обысканную и обезоруженную личной охраной. Да и то: сейчас – только по праздникам!

– Так в этом-то и суть, уважаемый Носыр-бек! Ему и не надо находиться рядом с Султаном! Он владеет такой штукой... ну как бы вам попроще...

Вот представьте, что вы находитесь хотя бы в двадцати шагах от нашего любимого прохиндея. (А на празднике Хайд вы точно сможете подобраться и поближе!) Вы представляете себе место на горле султана, куда нужно... Хм-м... Ну, словно бы у вас в руках – лук со стрелой, и вы – целитесь туда! Только – *мысленно*, без лука!..

А я в это время – дома. И выпускаю стрелу из этого самого лука – во двор. Но стрела – благодаря способностям моего Мага! – летит не во двор... А как бы *сквозь* Пространство Теней! И вонзается – прямо туда, куда целитесь *Вы!*..

А уж о том, чтоб законечник для гарантии был смазан отравой, я позабочусь!

Ну, как вам план?

Носыр-бек медленно откинулся назад, невольно потирая подбородок. Волосы на затылке зашевелились – словно живые. И дрожь пробрала до кончиков ногтей на ногах.

Он даже не думал – всем изощрённо-опытным нутром

он *чуял*. Что чёртов «план» имеет, пожалуй, *все* шансы на успех!

А ещё он думал, что хорошо, что Сероджиддин-бек пришёл именно к нему. Потому что вдвоём они смогут подготовить и всё остальное! И если даже поставить уважаемого гостя Султаном...

Управлять Казначейством, как профессионал, станет точно – он!

А что – *отличный* План!..

Сознание медленно, словно с трудом, преодолевая тенёта паутины сна, выбиралось на поверхность. Вот и пришло понимание – это был только сон. Сон про то далёкое и солнечное беззаботное, наивное и простое детство.

А сейчас...

Он открыл глаза. Да, он снова здесь. На великолепнейшем ложе, под расшитым золотом балдахинном из малинового бархата, и воздушным полотнищем газового полога от докучливых летних насекомых.

Положение обязывает. Чтобы он представал великолепным. В великолепных покоях помпезно-раззолочённого Дворца. В окружении не менее великолепного Двора! Потому что «Двор делает Повелителя!...»

Двор.

О, Аллах милостивый и милосердный!

Как же он их всех ненавидел!

Чванливые, расфуфыренные, в золотых перстнях и цепях, отожравшиеся мерзавцы, кичащиеся своей родословной, восходящей к самому «какому-то-там-древнему-говнюку», что смог в нужное время подлизать нужную задницу!..

И получившему поэтому право на звание «высокородного придворного лизоблюда». Которое теперь гордо передаёт по наследству! И презирает «плебеев»!

Как быстро пара снисходительно-ироничных взглядов таких вельмож отучила его в самом начале правления, от привычки ковырять в носу!

И ведь с ними нельзя даже по душам поговорить: не приблизишь кого-то одного, чтобы остальные за твоей и его спиной не зашушукались, и не стали лютой завистью завидовать новому фавориту, и тихо ненавидеть его... Вплоть до банального убийства.

Первый его «доверенный», которого он выбрал, чтоб просто было кому рассеять душившие его юную душу сомнения, внезапно умер от мучительных и скоротечных «желудочных колик». Второго нашли утонувшим в собственном бассейне, в хаммоме-бане.

Нового он пока не выбрал – решил, что воспользуется этим приёмом, когда захочет какого-либо расфуфыренного осла... Устранить. Чужими руками. Но пользоваться таким приёмом часто нельзя. Как и казнить их самому. Можно остаться и вовсе без свиты...

О-о, если бы не эта дурацкая необходимость поддержи-

вать видимость «самого пышного Двора Вселенной!» С каким бы наслаждением он пересажал всех этих профессиональных бездельников и гнусных интриганов на кол. Утопил бы в бочках с дерьмом – словно воришек, пойманных за руку за кражей на базаре. Или попросту – повесил, чтоб наблюдать, как в муках они сдыхают, пытаясь вдохнуть хотя бы маленький глоточек воздуха, купить который не помогут ни подвалы, набитые золотом, ни «высокородность»!..

Они, словно нарочно, чтобы научить его «гордой осанке» и «командному голосу», оказались уже «вмонтированы» в его Дворец, когда *это* произошло. И всё понеслось!

О, он отлично помнил, как одел-таки на юную и беспечно-наивную головку чёртову Корону Повелителя Вселенной!

Как вокруг всё задрожало, заревело, словно могучий не то – водопад, не то – Пожар! Как дрожь пробирала аж до паха, а гул стоял такой, словно наступает Конец Света!.. Как пол ушёл из-под ног, и что-то странное, зловеще-пугающее, стало происходить с Городом...

Да – Город словно вывернулся наизнанку!

А вернее сказать – он попросту возник, вылез, словно чудовищный гриб, сотрясая землю на три дня пути, на поверхность! Будто вызванный могучими силами откуда-то из небытия, болезненный прыщ, появившийся на её до этого здоровом теле!

Представший взорам людей во всей монументальной красе.

О, да: он отлично понял, причём – сразу, что это только благодаря тому, что *он* одел Корону, Город воскрес из небытия. Величайший Город на свете! Краса Вселенной! Центр просвещения и мудрости веков! Средоточие будущей и прошлой вселенской ВЛАСТИ!!! Самой Судьбой предназначенный покорить и обратить в вечное рабство все несогласные с этим Народы и Страны. И обложить их народы данью налогов...

Правда, вместе с этим городом воскресли и все блохи-клещи-пиявки этого могучего организма: поторопились принести свои лицемерно-слащавые «заверения» в вечной преданности, послушании, и в восхищении мудрым руководством, неистребимые, словно пыль, или ржавчина, угодливые черви-прихвостни! Придворные «наследные» «помощнички» и «советнички»!

Если б ещё не советовали: одни – одно, а другие – прямо противоположное. И не охаивали советы соперников в стремлении лучше угодить Повелителю!.. Так что «ценность» их советов для него очень быстро свелась к нулю.

Хассан со стоном спустил ноги с мягчайшей перины прямо в расшитые золотом туфли без задников. В сердцах сплюнул. Где вы, дни беззаботной молодости, когда казалось, что самое сложное – накормить семью, и отложить хоть что-то на чёрный день: хотя бы на чёрствую лепёшку!..

Он теперь – попиратель вый непокорных, и светоч доброты для покорных. Только от него зависит, будут ли живы

– как отдельные недовольные его правлением людишки, так и целые народы... Осознание этого уже не наполняло душу восхитительным ощущением вседозволенности, и своей почти божественности...

Да – он всемогущ! И как никто другой понимает, что такое **АБСОЛЮТНАЯ ВЛАСТЬ!**

Впрочем, как и то, что он – всё ещё самый обычный человек.

Он смертен. И уязвим.

Для покушений, спланированных получше, чем провалившиеся...

Он подошёл к огромному, в полный рост, зеркалу, как делал каждое утро.

Да – вот они, признаки неумолимо надвигающегося конца: побелевшие волосы. Седая, хоть и пышная пока, борода. Морщины. Набрякшие мешки под глазами. Сами глаза... Нда: красные, и словно горящие безумным блеском. Совсем, как у Магрибца...

Он теперь старался не предаваться излишествам – не пил много. Вина. Не объедался даже вкуснейшими яствами и деликатесами, доставляемыми со всех концов обширной Империи. С жёнами и наложницами не...

Эх, жёны и наложницы... После того, как его три раза пытались «достать» через его почти единственную страсть – к красивым женщинам, он...

Перестал встречаться с ними.

Вспоминая о том, что сейчас даже женщин, восстановленных гребнем по его воспоминаниям он «вызывает» не чаще раза в неделю, да и то – мучает одышка, он дёрнул щекой. Проклятье! Вот она: старость!.. И не помогает против неё абсолютная Власть. И против одиночества она не помогает...

Первое, что он сделал, воссев на Трон – приказал тысячам сотворённых сардоров, доставить в шикарном паланкине, с фанфарами и наивозможнейшим почётом, свою семью: мать, двух сестёр, и дядю.

Разумеется, мать лечили лучшие придворные лекари-табибы. Затем – проклятые заморские лекаря-«учёные», (Он убедился, что все они – такие же шарлатаны, как местные табибы!) доставляемые со всех концов земли. Которую он поначалу даже и не думал завоёвывать.

Но о статусе своей будущей Столицы подумал. Приказал тогда за её стенами на расстоянии дневного перехода ничего не распахивать и не сажать. Вначале – потому, что хотел, чтоб его Город красиво высился как бы посреди необжитого, дикого пространства... Затем – потому, что замучила ностальгия по степям и барханам того, далёкого детства, когда они с чёртовым Магрибцем шли пять дней, забравшись в самое сердце дикой пустоши Кара-ком.

Хассан тогда честно тащил свою долю: три бурдюка с самой обычной водой. А Магрибец кроме бурдюков тащил ещё котомку с сухими лепёшками и мешок с сушёными фруктами. Перед ночёвкой они ели курагу и кишмиш. Иногда бало-

вались и скользко-приторными ломтиками вяленой дыни. Да, это было страшновато, необычно, но...

Это была его старая, простая и привычная, жизнь! И он понимал, что оставляя дома мать под присмотром сестёр, может, конечно, никогда их больше и не увидеть... Но что-то тогда всё же заставило его согласиться на безумное предложение!

Может, как раз – подсознательное ощущение того, что он сумеет обмануть хитрущего старикашку, и не позволит тому загрэбать жар его руками?! И – уж тем более не позволит, как в старой сказке, обмануть и убить себя сразу после того, как передаст явно волшебные предметы всё заранее рассчитавшему своим коварно-подлым умишком, магу.

Не позволил.

Но всё же червячок сомнения терзал изредка душу: проклятого мага не нашли!.. И даже когда он захватил почти всю землю... Впрочем, возможно он беспокоится зря: колдун-колдуном, но вечно не может жить даже маг: бессмертие не доступно даже чернокнижникам! Ха-ха.

Скорее всего, черви-могильщики давно обглодали тощие кости его «нанимателя».

Да, сейчас-то просители, купцы, послы и всякие провинциальные чиновники уж точно могут насладиться издали видом его Столицы. Ничто не закрывает им вида словно вырастающего из недр великой Пустыни, Города! Великолепнейших столичных дворцов, мечетей, минаретов. И почти трех-

сотсаженного золочённого главного шпиля *его* Дворца!

Самому ему уже на всю эту помпезно-великолепную архитектуру наплевать. Угнетало осознание того, что конец, конец *его* жизни – не за горами. А завтра – ещё и чёртов приём. По случаю Священного Хаида. О, Аллах, как же ему не хочется снова смотреть на эти подобострастно, и опасно-настороженно пляшущие на него рожи!..

Пожелав немного вина, он отлил в хрустальный кубок из верного чайника. Спаситель! Сколько раз ему приходилось изготавливать противоядие!..

Бараны. Злобные и завистливые бараны. Ослы.

Поздновато спохватившиеся.

Теперь его с этого Трона не скovyрнуть ни оружием, ни ядами, ни женщинами.

Он вышел в тронный зал. Жестом отпустил телохранителей. Хотелось побыть одному. Подумать.

Хотя, какое там, к чертям, подумать – он только этим и занимается все последние десять, или больше, лет! Ведь всё его «общение» сводится к нескольким дежурным ответам на вежливо-обязательные вопросы о своём здоровье в те редкие дни, когда он собирает «Двор» на какой-нибудь праздник, да приказы Казначею и Визирю, когда «управляет» Государством.

Впрочем, от этой доуки – управления! – он почти отказался, спихнув всё на чиновников: а что – раз уж жрёте дармовой государственной хлеб, вот и давайте, работайте!

Себе он оставил «мудрые размышления о Благе Государства» и «беспокойство о своих нижайших рабах». Которым предпочитал предаваться наверху, в той самой крошечной камерке, где впервые всё и увидел. И попробовал. В действии.

Конечно, вначале у него имелись позывы. Не то – совести, не то – порядочности, (Как это назвать-то!..) отдать всё добытое чёртову магу. Но позже, когда он подумал, и понял своим, уже до чёрствости прагматичным сознанием, *что* за могущество оказалось у него в руках волей Судьбы – всё. Сомнения пропали. Ну, или оказались загнанными в настолько глубокий уголок этой самой совести, что смели вылезать оттуда лишь пару раз в году. Да и то – в кошмарах.

Кошмары ему снились редко. Но если уж снились...

Нет, он прекрасно понимает, что ни в смерти матери, ни в бегстве сестёр и дяди не виноват. Они сами выбрали свою судьбу!

Когда трое оставшихся родных попросилась в Хадж к святыням Мекки, он выделил им шикарный эскорт, приказал сардорам буквально сдувать пылинки со своих подопечных, и слепо исполнять малейшие пожелания!..

И вот сёстры и дядька Вахид (Наверняка коварный план – его придумка!) проехали до завоёванного к тому времени восточному берегу континента. Где «приказали» послушному воинству возвращаться в Столицу, и передать их приветы и наилучшие пожелания Величайшему из Султанов. А са-

ми...

Сели на нанятый китайский корабль, и отчалили в неизвестном направлении.

Искать их на необъятных просторах островков чудовищно огромного океана Хассан смысла не видел: уж если захотели затеряться – затеряются. Настоячивые и хитрые.

Его же родные! Одна кровь!

Наверное, всё же, зря он так настаивал, что они должны теперь вести «светскую» жизнь. Щеголять в шелках и парче. Помогать ему с управлением. Есть и пить в своё удовольствие. Развлекаться, услаждая душу и тело пением, танцами, деликатесами.

Наслаждаться, словом, жизнью и положением.

Не оценили они этого своего нового, почти божественного, положения. Или...

Или не захотели менять плебейские привычки?

Это в голове Хассана вначале укладывалось. А затем – перестало.

Ну вот чем дольше он размышлял над этим, тем меньше понимал: как можно отказаться от сытной и беззаботной жизни на всём готовом ради того, что они там ему наговорили в послании: какой-то там свободы, чувстве «ненастоящести происходящего – словно роскошно-величественные дома и вещи, чужие расфуфыренные люди, и сам Город командуют тобой!», какой-то там личной независимости, какого-то стыда...

Какого, на ..., стыда?!..

Перед кем?!

Перед ним?

Перед придворными лизоблюдами?!

Народом?

Этот последний, Хассан, будучи и сам выходцем, презирал теперь даже сильнее, чем угодливых прихвостней-придворных!

Быдло! Тупое, наглое, завистливое, но ничего ему не могущее сделать, быдло!

Вначале они пытались чего-то там умолять, просить, и даже – требовать: чтобы он уменьшил налоги, прорыл больше колодцев, позволил распахать земли знати, которые покоились в неприкосновенной первозданности под «охотничьими угодьями», или просто пустырями. Обустроил получше дороги для караванов, насадил общественных садов...

Насчёт дорог – это правильно. А то как бы его непобедимые войска попадали в завоёвываемые страны! А насчёт налогов и распашки пустырей... А то ему еды не хватает!

Идиоты. На кой ... ему всё это делать, если все предыдущие Султаны прекрасно обходились существующим многие века положением дел?!

Правда, у них и не было никогда столь обширных Империй под недрёманным крылом. Под дланью. Под пятой. Игом. Называйте, придурки, как хотите, а всё равно: он – Величайший! Попиратель вый и вседержатель браздов прав-

ления!

Сегодня подъём наверх заставил долго сидеть на всё том же простом табурете, в попытках привести дыхание в порядок. Что-то он сдал в последнее время. Одышка... Но лечить её смысла нет. Особенно пользуясь услугами тех ишаков, что пользовали его мать. Впрочем, лечиться у тех же не получится: в сердцах он сам велел всех их пересажать на кол... Даже иностранных. А уж потом надумал захватить все их страны – чтоб дебилы-правители не выступали, возмущаясь судьбой своих ряженных шарлатанов.

Он почти с тоской оглядел поверхность стола. Да, всё остальное так же здесь и лежит, на простой пыльной столешнице.

Секира. Нечасто он теперь прибегает к ней – да и смысл! Гарнизоны стоят во всех ключевых местах. В кормёжке, тяготившей бы оброком местное население, не нуждаются. Как и во сне.

Зато глухи к мольбам. Не знают жалости в подавлении мятежей. Неубиваемы.

Чайник. Эх, чайник, чайник... Достав его из-за пазухи, он увеличил его. Налил себе пиалу зелёного чая. Ах, чай, чай... От вина ему теперь плохо.

Гребень? Да, он иногда ещё пользуется. Вызывает, правда, чаще всего не экзотических пикантных красавиц, что шлют ему по старой памяти, словно принося жертву Дракону, наместники Провинций со всех концов Империи, а всё ту же

Назокат.

Благо, хоть её чарующий фантом не стареет, как стареет он сам!

Он внутренне ощущал, конечно, на самом глубинном уровне подсознания, что все его мысли в последние годы словно вращаются вокруг одного стержня: словно баран, привязанный к колышку, рано или поздно возвращающийся туда, откуда начал выкусывать траву.

Только уж больно часто он сейчас мыслями возвращается всё к тому же: его Город, его волшебные игрушки, его Все-могущество... Милость?

Да, дай он сейчас указание открыть двери бездонного Казначейства, и раздавать всем деньги на пропитание, одежду, скот и прочее в этом роде, все будут славословить...

А что – дальше?

Отлично он это знает.

Уже попробовал.

Народ в первые дни будет прославлять, праздновать, веселиться... Пока не прокутит и не прожрёт нахаляву доставшиеся деньги. А после – пойдёт не на поля и в мастерские: пахать, сеять, молотить, и изготавливать посуду, обувь, одежду и всё прочее, нужное для жизни.

Не-е-ет! Народ припрётся снова под стены Дворца, и будет умолять, просить, а потом – и требовать. Выдать им то же, что выдали до этого – и чтобы выдали *просто так!* А они бы снова всё прожрали и пропили, и палец о палец не ударили!..

Нет, плодить бездельников и тунеядцев он не намерен! Жители его Города тоже должны работать. А не потреблять даром то, что произвели для них низведённые до положения рабов жители покорённых провинций. Иначе народ просто превратится в низшую касту тех же придворных – и жизнь в его Городе просто избалуёт всех, и превратит в хронических наследных лентяев и тупых скотов.

Ждущих подачки так, словно им обязаны её подавать.

А ещё мысли постоянно возвращались к сёстрам и дядьке.

Может, всё же было что-то разумное в том, что они говорили? Может, чёртова должность Колебателя Вселенной попросту поработила его самого?! И он теперь, как курильщик опиума, подсел на эту волшебную игрушку – Власть?

Говорят, что власть развращает. А его Власть – абсолютна! Значит, по идее, он и развращён должен быть – абсолютно?!

Копаясь в глубинных уголках подсознания, он, стараясь быть честным хотя бы со своей совестью (Или – её остатками!) приходил каждый раз к этой мысли – да.

Он «подсел». И добровольно никому своё теперешнее положение Бога на земле не отдаст! Только с его смертью освободится Трон!..

На празднование Хаида пришлось нацепить и тяжеленный золотошвейный халат, и сафьяновые сапоги в золоте. И перепопаяться толстым, инкрустированным драгоценными изу-

мрудами-сапфирами-рубинами, поясом с ножнами: положение обязывает выглядеть! Корону он одел прямо на убелённую сединами голову – пусть их смотрят, что он старый! Пусть надеются, что, быть может, скоро освободится место того, кто повелевает судьбами всего Мира! Хе-хе...

Тайно, так, чтобы никто не знал, он принимал настойку волшебного корня – оттуда, из далёкой полусказочной Манчжурии. Ту, что продлевает жизнь.

Так что – ждите и надейтесь, наивные идиоты!..

После обязательной всеобщей молитвы подошло время и «светских» разговоров – просители и просто желающие ему «всяческого добра», подходили и желали. Он или милостиво кивал, или хмурил бровь.

Отвечал вслух он теперь редко – разве что когда действительно слышал нечто интересное: вот как сейчас!

– О Повелитель! Пока никто не слышит, (А верно: остальные, ждущие своей очереди, толпятся в десяти шагах, не смея приблизиться, пока он не разрешит следующему!) позвольте сообщить вам нечто *очень важное!*

– Я *очень* внимательно тебя слушаю, Визирь!

– На вас готовится очередное покушение! Посмотрите мне за правое плечо! Видите там Носыр-бека, второго помощника Казначея? – да, он видел. Заметил и непривычно напряжённое лицо чиновника, и нахмуренные брови, и как тот вспыхнул, увидав, что взгляд Султана выхватил из толпы его лицо, – Так вот они с Первым Советником моего По-

мощника, Сероджиддин-беком, наняли какого-то Магрибца для того...

Что должен был сделать для бунтовщиков-заговорщиков Магрибец, оказалось недосказанным. Потому что при этом имени на чело Колебателя Вселенной вдруг набежала тень, указующая длань вскинулась, словно он хотел что-то приказать телохранителям...

Но не успел!

Потому что в горле Хассана Великого вдруг, словно возникнув ниоткуда, появилась пробившая шею насквозь, стрела!

И вместо грозного окрика Повелитель Мироздания смог издать только неразборчивый не то – хрип, не то – всхлип!

После чего схватился за стрелу обеими руками. Шатаясь, постоял, словно пытаясь прожечь дыру взглядом в смертельно побледневшем Носыр-беке...

А затем рухнул, и покатился по ступеням к подножию трона!

Что произошло дальше, Визирь узнать не смог: всё вокруг заревело, загрохотало, словно водопад, и ринулось куда-то вниз, вниз, словно в пучины подземелий Мардука!..

3. Магрибец.

Труднее всего оказалось загримироваться под старика. Впрочем, молодости свойственно невнимательно отно-

ситься к таким вещам: для них все, кто старше сорока – древние развалины! Поэтому: что сорок лет, что – семьдесят, особо разбираться подросток вряд ли станет.

Однако он тщательно проработал свой облик: выделил сильнее и без того выпуклые узловатые синие вены на руках, волосы сделал полностью седыми, и торчащими редкими кустиками на покрытом пигментированными пятнами скальпе. Морщинами покрыл всё лицо, предплечья и кисти: благо, руки сильно торчали из коротковатых (Специально для этого!) рукавов выгоревшего потрёпанного халата. Сухие, словно ветви иссохшего карагача, ноги, тоже торчавшие из-под шальвар, он сделал почти коричневыми и словно покрытыми коркой из пыли и загара.

Ну и главное, конечно – глаза. Уж он побеспокоился придать им фанатичный блеск, и взору – пронзительности... Да, так он запросто сойдёт за сумасшедшего.

И мальчишка его ни за что не вычислит. Ни за что.

Он двинулся по узкому, петлявшему меж уже слегка оплывших мазанок окраин, проходу, гордо носившему имя улицы. Ноги почти по щиколотку тонули в пушистой бесцветной пыли, в которую пересохшую немощенную землю превратили тысячи колёс от арб, и ног людей. Бедняков, конечно. Знать по таким нищим закоулкам ездить не соизволяла. Для них есть четыре центральные улицы – те, по которым Его Величество изредка оказывает честь выезжать – будь то на охоту, или на прогулку...

Вот и базарная площадь. Кривыми рядами кое-как расставленные лотки: с зеленью, фруктами, овощами. По периметру площадь окружают заведения посолидней, даже крытые настоящими крышами-навесами: кузницы, пекарни, пошивочные, гончарные мастерские, лавки с маслом, мукой, рисом, ячменём... На уши давил гомон тысячеустой толпы – все оживлённо торгуются, пока солнце не поднялось высоко, и не сделало пребывание в замкнутом пыльно-прогретом пространстве невозможным. Запахи экзотических приправ – зры, кинзы, перца, лавра, чеснока и кашниша – остро били в ноздри, не позволяя ошибиться, что ты на базаре, даже если б не было выкриков зазывал и гула от торга.

Он двинулся мимо мастерских кожевников, медянщиков и гончаров, вперёд – туда, где была лавка усто Вахида. В которой числился учеником его намеченный кандидат.

Да вот и он сам – выходит с огромным мешком в руках, перекидывает бережно за спину: похоже, пойдёт вон за тем шустроглазым нагловатым парнем, очевидно, чьим-то слугой, присланным забрать заказ. Отлично. Он пойдёт за ними, и когда заказ будет передан, Хассан окажется полностью в его распоряжении: без свидетелей и шумной толпы вокруг. Всё, как он и хотел!

Только вот ждать этого момента пришлось почти час. Потому что тащиться за парочкой пришлось на другой край города, и даже выйти за его пределы в Предместье: к виллам, стоящим по берегу канала Анхор, где располагались толь-

ко дома приближённой знати, да хорошо разжившихся купцов, и содержателей караван-сараев – тех, что смогли, словно хищные пиявки, присосаться к Великому Шёлковому Пути.

Похоже, мальчишке сунули-таки медный обол – вон, пробует что-то на зуб...

Пора.

– Хассан!

Он с опаской и, пожалуй, излишне резко, оборачивается. Подойти поближе.

Но не слишком – чтоб не напугать.

– Ты хотел бы заработать ещё? Заработать много? Так, чтоб хватило и сёстрам на белую лепёшку, и матери на леченье?

– Кто... Кто ты такой, незнакомец, и откуда всё про меня знаешь?! – лицо испуганное и злое одновременно: словно у загнанного более сильным противником в угол крысеныша. Чумазого, задёрганного тяжёлой недетской работой, и голодного, но обладающего определённой гордостью, не позволяющей сдаться и сразу начать угодничать, крысеныша! Вот и хорошо. Значит, он не ошибся в выборе.

– Я – из Магриба. А знаю про тебя всё – потому, что я – чародей. Маг, говоря проще!

– Да ну?.. – вот уж неприкрытого скепсиса в голосе слышится на два динара! А молодец парень. На мякине не проведёшь! И хорошо. Глупец или подлиза не подошёл бы.

– Вот тебе и «да ну»! Смотри туда! – он вскинул руку в

знаке Хурд, произнёс шёпотом заклинание. Тотчас росший в пяти шагах от них куст вездесущей верблюжьей колючки исчез в огненной вспышке, и мгновенно на его месте оказались только чуть тлеющие и дымящиеся угольки и немного золы, уносить которую сразу начал неугомонный ветер...

– Ух ты... Здорово. А... А вы и с людьми так можете? – а молодец ещё раз. Зрит в корень! Значит, понимает, что с магом шутки плохи. Только вот зря ковыряет пальцем в ноздре... Может, с перепугу?

– Разумеется. Но для людей я обычно применяю другие средства. Не столь заметные окружающим. – он выразительно посмотрел в глаза мальчишке, – теперь ты согласишься выслушать... Моё предложение?

Ещё бы ему не согласиться!..

На следующий день рано утром, убедившись, что никто их не преследует, они вышли через Южные ворота. Сначала шли по большой дороге – разбитой колёсами и копытами пыльной ложбине.

Затем свернули на очередном повороте прямо в пустыню.

Хассан терпеливо молчит, только изредка на него искоса, незаметно, поглядывает: знает, что спросить можно и вечером, когда они расположатся на ночлег. А пока лучше помолчать: и силы сбережёшь, и пыль в рот не набьётся. Да, парень-то... Не по годам развит. Похоже, у него за всеми заботами о семье и хлебе насущном для неё, было время по-

думать над жизнью. И как в ней лучше устроиться так, чтоб не тратить лишних сил.

Вечером всё равно пришлось рассказывать, поскольку ужин греть нужды не было: лепёшки и сухофрукты отлично запиваются и сырой водой.

– ... под старость лет совсем спятил! Ближайших приближённых из знатнейших и древнейших родов – приказал казнить! Советников и Визиря больше не слушал. Вернее, слушал на Советах, что они говорят, но потом делал всё так, как хотел сам. Не считаясь с последствиями. С соседями вечно воевал. Потому что дочерей их брать в официальные жёны отказывался. Причём ответ послам давал часто самый унижительный: у меня, мол, даже наложницы выглядят лучше, чем их балованные и нарумяненные овцы! Что? Конечно! За такое не то что лично – а и совместными силами всех оскорблённых папаш нападёшь! И нападали. Да только зря.

Потому что войско у Абдунаби-хана было буквально несметным! А уж силой, выучкой и храбростью его сардоров никто не то что превзойти – а и сравниться не мог! Отличная была армия. Почему – была? Потому, что как раз вот из-за армии это и случилось – то, что я тебе сейчас расскажу.

Султану Абдунаби тогда сровнялось шестьдесят. Живи, вроде, и радуйся: всё есть! Страна богатейшая! Воды – вдоволь, так что и хлопок, и зерно, и даже рис на заливных полях отлично растут. Торговля процветает. Соседи пикнуть не смеют: а ещё бы! После каждого нападения от их земель

откусывался добрый кусок, да присоединялся к султанату! Вот и терпели, оставаясь со своими дочками-то непристроенными...

Однако взяла тут нашего Султана гордыня. (Ну, вернее, она и раньше-то у него водилась. Но сейчас это оказалось нечто совсем уж дикое!) Хочу, говорит, стать бессмертным! И ладно бы – говорил. А то – и отправил на Восток посольство. Из именитых прихвостней-приближённых да хорошо вооружённого войска: на случай, если не удастся нужного знахаря миром склонить приехать. С самим Визирем во главе – чтоб, значит, попытаться вначале. Уговорить миром.

Для такого случая и дары несметные на повозки нагрузили – чтобы, значит, вначале попробовать золотом приманить того, кто знал секрет бессмертия. И его Повелителя...

А секрет, вроде, и правда – имелся.

Слухи-то одно конкретное название указывали: «Линцзянь»!

Говорят, долго Посольство туда ехало. Полгода. Сложно им было, на неведомых землях-то... Ну, сардоры у Абдунаби опытные и крепкие. Прожжённые ветераны. Незнакомой пищи не ели, из грязных луж не пили. На перевалах ледяных тёплые плащи одевать не брезговали. Здоровье берегли, словом. И силы на грабёж местного населения-то – не тратили: еду с собой везли.

Добрались до Линцзяна этого в целости. Местный мандарин как увидел под стенами такую силищу, сразу согласился

на переговоры. Ну а переговоры...

Даром, что Абдунабийские дипломаты самые сладкоречивые и хитро...опые! Словно уж – извиваются, словно канарейки – поют, с три короба наобещают!..

А уж там когда до исполнения доходит... – рассказчик махнул рукой, отметив, что Хассан, удобно расположившийся полулёжа на песчаной кочке, слушает, буквально выпучив глаза и открыв рот. Давненько у него не было столь благодарного слушателя! – Ну, словом, всё, как у вас в городке! Каждый наследный Султан обещает народу чуть не райские кущи при восшествии на Престол. А взойдя – только знай налоги поднимает!

– Точно! – Хассан истово кивнул, соглашаясь. Магрибец, вздохнув, продолжил:

– Ну, со своим Знахарем мандарин-то этот быстро договорился. Не хотел же тот и в самом деле, чтобы сардоры Абдунаби Линцзянь-то этот предали огню и сабле... Так что из ворот вышел сам. «Вот, говорит, я!» Патриот, словом. А послам только этого и надо.

Ну а дальше – совсем уж *невероятное*! Сардоры ввезли во дворец подарки бесценные, поблагодарили, обещали знахаря вернуть, когда Султана-то излечит. От смертности. Да и жене Знахаря, и детям – подарков, денег и гостинцев доставили. Всё честь по чести. Знахаря – в паланкин, да в добрый путь!..

Что невероятного?

Ну ты и наивен, отрок! Невероятно то, что чёртов Линцзянь не разграбили, как принято здесь, на Востоке, получив своё – словно разбойники торговый караван, или вороны – сдохшего посреди пустыни ишака! Да не сравнивали с землёй, спалив то, что разрушить, или увезти не удалось!

Ладно, повезло тогда Линцзяню. Или – приказ Султана такой был. Может, он рассчитывал со временем завоевать и эту страну – Аллах его знает. Он своими планами ни с кем делиться не обязан. На то и Султан. Его приказ – это... Его Приказ!

Ну вот, проходит ещё полгода, привозят наши послы и армия этого китайца. Приводят пред светлы очи. Смотрит знахарь на Его Величество, и говорит:

– О могущественнейший Султан, колеблющий выю земли! Знаю я, в чём состоит твоё дело ко мне! Помочь тебе можно! Зелье-то я составлю... Но для того, чтоб оно сработало в полную силу, нужен мне в помощь один друг мой старинный – Магрибец! Без силы его заклинаний не сможет работать вечно зелье травяное!

Ну, надо, так надо. Султан в долгий ящик откладывает не стал: пока Армия не расквартировалась по казармам, сразу, буквально на следующий день, и отправил весь состав Посольства с новыми Приказами – уже в Магриб!

Туда, к счастью, путь не столь далёк. За пару месяцев добрались. Правда, кое-кто из простых воинов-сардоров, да и из сотников с десятниками уже ворчали: дескать, гоняют ту-

да-сюда, словно мы прокажённые какие!.. Света белого, да жён-детишек не видим годами. Да и законной добычей насладиться не дают...

Ну, как ты, наверное, уже догадался, к магрибцу-то этому они особого почтения и вежливости уже не выказывали. Как и к правителю города: Магриб сравнивали с поверхностью земли сразу после того, как местный падишах, трезво оценивающий боеспособность войска-то своего дохленького, выдал им требуемого человека.

А в Магрибе тогда жило более пятидесяти тысяч ни в чём не повинных... Конечно, и женщины, и дети... Внутреннюю крепость-то, где заперся Магрибский падишах, штурмом брать не стали – возиться было лень. А вот город...

Город пограбили. Пожгли. Женщин – как обычно.

Правда, как я слышал, младенцев на пики не накалывали, и не сжигали в пламени. А резали только мужчин – тех, кто сопротивлялся. Протестовал, стало быть, что их жён насиловали, а дома – грабили... – он не хотел, чтоб парень слышал предательскую дрожь в его голосе. Или заметил, как при нарочито небрежном, вроде, тоне рассказа, у него до сих пор ходят на скулах желваки.

Потому что перед глазами, словно всё происходило лишь вчера, стоят картины: темнота, скрадываемая всполохами пламени и факелов нападающих. Земля на улицах и в переулках, столь обильно залитая кровью, что пыль превратилась в липкую чавкающую грязь. Со всех сторон ревёт метущее-

ся пламя, и, заглушая иногда его гул, вязнут в ушах крики о помощи, и стоны раненных и насилуемых... Кишки Маруфа, соседа, вывалившиеся в пыль двора после того, как сардор, ждущий своей очереди, чтоб изнасиловать его жену Сабохат, отмахнулся, как от назойливой мухи, от тщедушного зеленщика... Вопли ещё живой тёти Камиллы, причитания старой Матлюб-опы, лишившейся в одночасье сына, снохи, внучки и правнука...

Но всё равно, он чувствовал, видел, как в расширенных глазах Хассана стоит страх. Ужас. Словно и правда, в бездонно-чёрных глазах рассказчика он видит сполохи этого самого пламени, а в уши ураганным рёвом отдаётся гул пламени, на зубах скрипит пепел и песок, ноздри забивает медный запах крови и копоть, да доносятся стоны раненных, насилуемых женщин, брошенных под копыта лошадей младенцев...

– Ладно, не об этом рассказ. А о Султане Абдунаби.

Но Магрибец-то, уезжая, конечно, увидел, конечно, что случилось с его городом...

Хотя проблем в дороге не доставил – ехал себе и ехал. Молча.

Вот привозят его к Султану, а тот ему и объясняет что да как. Приглашает и друга его – китайца. Тот объясняет, что нужны, дескать, его заклинания, а зелье, готовое, вот оно: уже ждёт!

Ну, магрибец-то артачиться не стал: поставил кубок прямо перед собой, воздел руки к Небу...

Да и стал читать заклинания.

От его голоса даже колонны резные, да потолок из толстенных балок, говорят, дрожали. А уж слова... Страшные, незнакомые! Словом – язык будто тот самый, что звучит в подземельях Мардука. Из уст демонов, или ифритов...

А снаружи ветер тут такой поднялся, гром, молнии зашверкали – жители еле успели по домам попрятаться. Потому что над городом и дворцом откуда ни возьмись, разразилась буря! И страшная Гроза! Отродясь жители столицы такой не видали!.. Да и вряд ли увидят. Теперь.

Потому что когда Султан выпил напиток-то, всё это и случилось.

Город словно вывернуло наизнанку – как человека, перепившего молодого вина!

Провалилась великая Жараканда под землю, вместе со всеми домами, да людьми! Со стоном, гулом и рёвом провалилась, будто сама пустыня корчилась в муках великих!..

И даже животные, которые там были – ну, куры, козы, ишаки, бараны – тоже сгнули, и... Говорят, словно застыли там на века. Превратились в Тени.

Ждут.

Чего ждут? Да не знаю я. Я же скромный ученик мага, чародея в пятнадцатом поколении. Желаящий только приобрести мудрости веков. Вот в старом хранилище, в дальнем углу, я и нашёл полуистлевший свиток, где всё это и вычитал... Что? Не знаю.

Вот проверить, правда ли всё это – мы с тобой и идём. И за это, кстати, я и плачу тебе твои – немаленькие, между прочим, за такой пустяк! – деньги!..

Он долго смотрел на разгладившееся детское лицо, когда Хассан, напялившись вдоволь вначале на угли костерка, а затем и в глубокое звёздное небо, заснул. Словно хотел впитать, запомнить навсегда это наивно-умиротворённое выражение...

Неужели вот этот мальчишка, этот полунищий – тот, кто всё сделает как надо?

Верен ли его расчёт на этот раз?..

Ничего – скоро он узнает!

Когда Хассан начал спуск, он видел – мальчишке жутко непривычно!

Ничего, привыкнет.

А ему остаётся только ждать!

Через пять дней он понял – выбор оказался верным.

Когда башни проклятой Жараканды вознеслись в десяти милях, на которые он предусмотрительно отошёл, стало понятно: время пошло! Его время.

Стрела вонзилась прямо в горло!

А молодец придворный чиновник: ничего не напутал. Ви-

дать, действительно сильно «любит» Своего Повелителя! Да разве может быть по-другому?!

С замиранием сердца он глядел, и на своей шкуре ощущал, как вокруг него чёртов Город проваливается снова туда, куда ему предначертал его отец, отдавший за это дело Жизнь и Душу: в пучины Ада! Ну, вернее, всё же – в пещеру Безвременья!.. Сна наяву!

Он поднялся на ноги только тогда, когда прекратились дрожь и гул. Пооткрывал рот – звенеть в ушах перестало. Дело сделано.

Вот он и снова здесь. И добился того, чего хотел.

Молодости.

Бессмертия.

И пусть для того, чтобы помолодеть, приходится каждый раз убивать очередного возомнившего себя Султаном плебея, («Из грязи – да в Князи!») – ничего. Это – приемлемая цена. Жертва неизбежна. Всё равно смерть очередного самозванца-султана – почти мгновенна. Мучений тот не испытывает.

И не может, конечно, укол боли от стрелы сравниться с тем ужасом, тем испытанием, теми картинками, что он сам пережил и видел ребёнком в Магрибе.

Когда три дня копания могил, и перетаскивания вручную (Коней и даже ишаков увели!) трупов, тяжким бременем легли на его детские плечи. Густой и ничем не перебиваемый запах разлагающейся плоти и горелого дерева, облепленные

тысячами злобных мух трупы, тела... Отличная детская память, откладывающая словно в самые сокровенные уголки памяти эти дикие после десяти лет наивно-радостной беззаботности, картины.

Три дня крови, копоты и горючих слёз калённым железом впечатали эти самые картины в голову! Не забыть никогда ему этого – как скидывали во рвы, и закапывали, скидывали и закапывали, выбиваясь из последних сил...

И долгие годы вставали перед его детским взором каждую ночь в кошмарах эти картины... Никогда он не забудет, как рыдали мать и та из сестёр, что выжила.

И как им пришлось всё равно бежать – когда в опустошённом городе с засыпанными колодцами и сожжёнными или разрушенными домами, началась эпидемия.

Город, конечно, позже всё-таки восстановили. Уж больно удобное место. Но...

Нет, сердце всё равно каждый раз трепещет, замирая: он мстил, и мстит за них!

Мать, брат, сёстры, родные, близкие, соседи – все, с кем он делил, вольно или невольно, жизнь в прекрасном Магрибе, пока туда не вломились, словно стая саранчи, или степной пожар, сардоры проклятого Абдунаби.

Возжелавшего, видите ли, бессмертия для своей драгоценной персоны... Ну, отец ему и показал. Чего стоит Бессмертие.

Теперь дух Абдунаби бессмертен. Обречён вечно обитать

в Городе теней.

И обречён ВЕЧНО видеть, корчась от бессильной злобы, как сын Магрибца приводит ко входу в подземелье очередного кандидата-плебея. Как этот безродный сопляк проходит все стадии: от наивного подростка, до прожжённого хитреца и самовлюблённого «Пупа Вселенной». Как плетутся заговоры и интриги. И как, наконец, сын наложившего Заклятье мага, убивает Султана-марионетку, когда настаёт предначертанный Роком миг.

Чтобы в очередной раз помолодеть, и начать следующий цикл Вечной Мести...

Вздыхнув, магрибец прошёл во дворец, и встал перед Троном.

Вот она – заколдованная отцом Корона.

Остаётся только отнести её наверх – на место. Да и чайник забрать. И положить их рядом с остальными вещами.

И мышеловка снова будет заряжена сыром – для очередного...

Смотри же, смотри на это, трижды проклятый Абдунаби-бессмертный!

Злись. Ярись в отчаянии что-либо изменить или исправить... И кусай в бессилье свои бестелесные локти.

Потому что никогда тебе не вырваться из этого кольца Времени!

Пусть поздно, но осознай: посеявший ветер да пожнёт бурю!..

